

199

IV Международный съезд славистов

Л. Г А Л Ь Д И

**СЛОВА РОМАНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Из докладов венгерской
делегации

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГУ
Москва 1958

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Л. ГАЛЬДИ

**СЛОВА РОМАНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Доклад, представленный
венгерской делегацией

Издательство МГУ
Москва 1958

1. Настоящая работа имеет своей целью привлечь внимание лингвистов и вообще историков европейской культуры к некоторым аспектам систематического изучения элементов романского происхождения в словарном составе русского языка. С давних пор исторические работы посвящаются культурным взаимоотношениям романских и русского народов¹; почему же медлить с анализом также и языковых отражений этих связей?

Но что, собственно, мы понимаем под «элементами романского происхождения»? Принимая во внимание, что заимствования, исследовать которые мы задались целью, почти неотделимы от значительно более широкого слоя лексики, от европеизмов², то есть неологизмов западного происхождения, введенных в русский язык в большинстве случаев с XVIII века, — мы считаем нужным сказать с самого начала, что мы будем включать в данную категорию как прямые заимствова-

¹ О француско-русских отношениях см. фундаментальное исследование: Em. Naumant. *La culture française en Russie (1700—1900)*. Paris, 1910.

² Этот термин должен быть понят в том значении, которое придает ему преимущественно академик В. В. Виноградов; см. *Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.* М., 1938 (в дальнейшем обозначается сокращенно — *Очерки*), стр. 57, 239 и др. В языке XIX в. европеизм имел более широкое значение: «совокупность свойств, качеств, присущих европейцам» — *Словарь современного русского литературного языка* (в дальнейшем сокращенно: ССРЛЯ), III, 1225. Об одном примере употребления слова с этим устаревшим значением см. А. Х. Мищенко. Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена. «Вопросы изучения русского языка». Изд. АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1955, стр. 263.

ния, так и непрямые, которые, попав в русский язык через каналы какого-либо посредствующего языка (например, польского или немецкого), несут, однако, неизгладимый отпечаток романского происхождения. Мы должны, следовательно, учитывать не только переход слова из одного языка в другой, но также и маршрут, проследить который часто бывает очень трудно, целого ряда интернациональных слов, ставших настоящими «странствующими словами». Пока что мы не будем классифицировать наш материал по тем языкам, из которых происходят заимствования; наше внимание должно остановиться на себе прежде всего историческая перспектива последовательных изменений русской лексики, изменений, при которых латинские элементы уступили место элементам итальянским и эти последние в свою очередь французским элементам, которые так же, как и кальки французского происхождения, сохраняют до наших дней особый оттенок среди многочисленных экспрессивных средств русского словаря. Очевидно, что многие «Luxuslehnwörter», когда-то тесно связанные с определенной культурной ориентацией и даже с галломанией известных классов, навсегда исчезли из русского языка, но не бесследно: они, так сказать, подготовили почву для проникновения и ускорения «Bedürfnislehnwörter», которые еще встречаются в самых различных областях специальной терминологии, так же как и в повседневной речи.

2. Прежде чем кончить настоящее предисловие, следует сказать несколько слов о наших методах исследования и о нашей лексикологической документации, которая никак не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей. Многие из работ остались для нас недоступными, но мы не теряем надежды, что со временем сможем использовать их. Несмотря на эти пробелы в документации, мы в состоянии предложить для некоторых заимствованных слов хронологию, которая существенно отличается от хронологии последних по времени словарей. Тем не менее уточнения этого рода являются не чем иным, как простыми дополнениями, посредством которых мы никоим образом не хотим умалить достоинство рассматриваемых трудов. Наши уточнения и наши «первые упоминания» — или, лучше сказать, «предвари-

тельные датировки» (*prédatations*)³ — имеют лишь одну цель: пробудить интерес исследователей и побудить их сделать новые уточнения. Вообще говоря, все наши соображения были вызваны мыслью, что именно изучение заимствованных слов требует широкого международного сотрудничества и что в этой области даже план (более или менее несовершенный) предстоящих работ может послужить стимулом для дальнейших исследований.

I

1. Рассматривая состояние изучения западных заимствований в русской лексике, приходится констатировать один странный факт: почти все предыдущие работы с самого начала исследования, проводившегося в этой области, характеризуются отсутствием преемственности. Если не считать отдельных разрозненных замечаний⁴ и ряда словарей неологизмов, начало систематическому изучению элементов западноевропейского происхождения было положено, как известно, только в начале XX в. диссертацией В. А. Христиани⁵.

³ Об этом термине и, прежде всего, о полезности исследований такого рода для исторического языкознания см. вышедшую в последнее время работу: В. Quemada. *Index des datations nouvelles*. «Le Français Moderne», 1956, стр. 291—311.

⁴ См. особенно: А. Д. Михельсон. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1866; его же. Объяснительный словарь иностранных слов. М., 1898 и др. Что касается предшествующих работ, то следует отметить особенное значение «Лексикона вокабулам новым по алфавиту», относящегося к эпохе Петра Великого (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 47—65; в дальнейшем это издание обозначается сокращенно: Обнорский — Бархударов. Хрестоматия); ср. R. van der Meulen. *Het Lexikon Vokabulum novum po alfavitu*. «Meddelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen». Afd. Letterkunde, Nieuwe reeks, deel XIII, No. 9. Amsterdam, 1950, а также «Новый словотолкователь» Н. Яновского (1803), играющий существенную роль в истории регистрации неологизмов (ср. частые ссылки на этот словарь в ССРЛЯ). С теоретической точки зрения особенно заслуживает быть упомянутой прежде всего глава V «Введения» Яновского (ср. В. О. Unbegaun — J. S. G. Simmons. *A Bibliographical Guide to the Russian Language*. Oxford, 1953, стр. 134).

⁵ *Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17 und 18. Jahrhunderts*. Berlin, 1906 (далее обозначается сокращенно — Христиани).

Вскоре вышла известная работа Н. Смирнова, посвященная неологизмам эпохи Петра Великого⁶, но, судя по ее библиографическому указателю, автор не знал о существовании исследования Христиани, опубликованного на четыре года раньше.

Отсюда следует, что и в настоящее время первоочередной задачей предстоящих разысканий в этой области является согласование данных этих двух ученых на основе обобщения всех доступных источников. Может быть, небесполезно напомнить в связи с этим, что указанная нами задача сохраняет свою актуальность и после появления этимологического словаря М. Фасмера. Несмотря на то что М. Фасмер отводит словам западного происхождения гораздо больше места, чем предшествующие этимологи (например, Н. Горяев или А. Преображенский), в его ссылках на данные Христиани и Смирнова нет должной последовательности⁷.

2. Прибавим, однако, сразу, что, упоминая этимологический словарь М. Фасмера, мы пропусаем одну важную вежу, которую представляет собой превосходный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В этом труде, составленном под явным влиянием оставшегося неоконченным академического словаря («Словарь русского языка», 1891—1929) и также, до некоторой степени, по образцу таких работ, как «*Dictionary General*» Хатцфельда, Дармстетера и Томаса, мы находим не только богатый подбор примеров, извлеченных из литературных текстов, но также, по крайней мере в части, касающейся заимствований, и этимологий. Главное достоинство труда Д. Н. Ушакова состоит не в

⁶ Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сб. ОРЯС, т. 88. СПб., 1910 (далее обозначается сокращенно — Смирнов). См. также замечания Я. К. Грота о посредствующей роли польского языка в его «Филологических разысканиях» (Труды Я. К. Грота, т. II, стр. 464—467).

⁷ К словам *амбиция* (M. Vasmer, *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, I, 16, далее сокращенно: Фасмер), *амуниция* (I, 17), *арест* (I, 23), *арьергард* (I, 29) и т. д. ссылки сделаны правильно (например: «арьергард, Christiani 37; Smirnov 44»); в то же время в ряде других случаев опущено свидетельство или Христиани или Смирнова. При слове *авторитет* (I, 4) нет никакой ссылки на Смирнова (стр. 29), и даже под словом *армия* отсутствует упоминание Смирнова (стр. 46); ср. также *дискреция* (I, 353) без ссылки на Смирнова (стр. 107) и т. д.

этих этимологиях, по необходимости более кратких, чем у Смирнова⁸, а скорее в тщательной регистрации сравнительно недавних заимствований, так же как и в семантическом анализе включенных в словарь слов, производимом при помощи тщательной группировки литературных цитат. Для слова *авантажный*, например, Ушаков указывает один случай у Некрасова, имеющий ту особенность, что рассматриваемое прилагательное выступает как определение к слову, обозначающему лицо, а не понятие или неодушевленный предмет⁹. Благодаря иллюстрациям такого рода многие из неологизмов, известных с эпохи Петра Великого и отмеченных уже Христиани и Смирновым, предстают перед нами в новом свете; вообще говоря, словарь Ушакова дает правильное представление о современном лексическом значении наиболее употребительных галлицизмов и италиянизмов. В этом отношении значительную помощь оказывают пользующемуся словарем пометы стилистического порядка (устарелое, разговорное, просторечное и т. д.), сделанные уверенной рукой автора, посвященного во все тонкости лексикографии.

3. После появления словаря Д. Н. Ушакова бурные годы второй мировой войны и последние годы марксистского периода никоим образом не благоприятствовали лексикографическим разысканиям, несмотря на настойчивые призывы академика В. В. Виноградова¹⁰, явля-

⁸ Ср.: Смирнов (стр. 46) — «Армия пол. *armia* (от фр. *armée*); Ушаков (I, 57) — «армия (фр. *armée*)».

⁹ «Кажется, я очень *авантажен*, хорошо одет и напомажен» (I, 7).

¹⁰ В 1946 г. им были высказаны по этому поводу следующие замечания: «Есть ряд работ словарного типа, посвященных выяснению лексических заимствований из западноевропейских языков в русском литературном языке XVIII—XIX вв... Тем не менее до сих пор не выяснены ни объем, ни состав, ни причины заимствований разных лексических пластов в истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв.— ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 3, 1946, стр. 237). Что касается проникновения слов французского происхождения, оно было отмечено в 1934 г. также Ф. Брюно в одной из глав, посвященных «универсальности» французского языка в XVIII в., в его работе «Histoire de la langue française» (Paris, 1934, VIII/I, стр. 489—529); ср. также L. Gáldi. Francia — orosz nyelvi kapcsolatok a XVIII században (Relations linguistiques franco-russes au XVIII-e s.). «Nyelvtudományi Közlemények», LII, 1948, стр. 31—39.

ющегося автором многих капитальных трудов, в первую очередь «Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.»¹¹.

Историческое изучение лексики русского языка приобрело новый размах в Советском Союзе только после окончательного поражения марризма, о чем свидетельствует, с одной стороны, появление общей истории русского литературного языка, написанной А. И. Ефимовым¹², с другой стороны — издание нового академического словаря русского литературного языка, охватывающего лексику от Пушкина до наших дней¹³. Своеобразным совпадением явилось то, что с того же года (1950) один из известных современных славистов профессор М. Фасмер начал выпускать свой «Russisches Etymologisches Wörterbuch», издание которого отдельными выпусками продолжалось в течение шести лет и уже завершено. Случайное одновременное издание двух подобных трудов имеет, разумеется, как свои преимущества, так и свои недостатки. Это до некоторой степени повторяет — только в более широком масштабе — случай с работами Христиани и Смирнова. Главное преимущество заключается, естественно, в полной независимости высказываемых мнений, тем не менее и недостатки подобного параллелизма не могут игнорироваться. Можно ограничиться указанием хотя бы на один из них: М. Фасмер мог бы, несомненно, почерпнуть много ценных сведений в тех кратких указателях исторической и лексикографической документации, которые прилагаются в ССРЛЯ к каждой словарной статье, и составители ССРЛЯ могли бы в свою очередь использовать ряд работ, которые приводятся М. Фасмером, не говоря уже об этимологиях последнего. Таким образом, и в данном случае потребуется в дальнейшем новый синтез; насколько он мог бы быть полезен, показывает просмотр нескольких страниц нового академического словаря от

¹¹ Ср. также его труды «Язык Пушкина» (М., 1935) и «Стиль Пушкина» (М., 1941).

¹² А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1954. См. о ней: L. Gáldi. «Acta Linguistica Acad. Scient. Hungarica», 1955, стр. 246—262.

¹³ Словарь современного русского литературного языка, I—V, 1950—1956.

слова *брешь* до слова *бриллиант* (I, 627—630). По странной игре случая все слова здесь являются заимствованиями западноевропейского происхождения и — точнее — даже романского происхождения. По поводу слова *брешь* мы не имеем никаких замечаний: в этом случае данные Смирнова, использованные как Фасмером, так и, по всей вероятности, составителями ССРЛЯ, обеспечивают полное единообразие в обоих словарях¹⁴. Название сыра *бри* (ср. фр. *brie*, от названия местности — *Brie*) отсутствует у Фасмера, но оно включено в ССРЛЯ (I, 628); первое упоминание этого слова, редко попадающего в словари, встречается в относительно новом «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1890). Для *бригада* и *бригадир* ССРЛЯ отмечает старые формы *брегада*, *брегадир* (I, 629, ср. «Лексикон вокабулам новым»), которые заслуживали бы того, чтобы быть приведенными также и Фасмером. В отношении слова *бриг*, являющегося сокращенной формой названия корабля *brigantine* (ср. англ. *brig*, нем. *Brigg*), имеются данные начиная с 1803 года (ССРЛЯ, I, 628; согласно показанию словаря Яновского); тем не менее Фасмер (I, 122) не приводит никаких исторических сведений. Обозначение морского ветра *бриз* (фр. *brise*) отсутствует у Фасмера, хотя оно фигурирует в Словаре Русской Академии с 1891 г. (см. ССРЛЯ, I, 629). Неологизм *бризантный* (из фр. *brisant*, -е, ср. *pouder brisante*, а не непосредственно из глагола *briser*, как предполагается в ССРЛЯ, I, 629—630), так же, как и *брикет* (ССРЛЯ, I, 630, ср. фр. *brquette*, нем. *Brikette*), равным образом пропущен Фасмером. Наконец, для слова *бриллиант* в ССРЛЯ приводятся примеры из произведений Сумарокова и Державина, в то время как Фасмер (I, 123) не отсылает ни к каким историческим свидетельствам¹⁵.

¹⁴ Согласно ССРЛЯ, впервые слово встречается в «Письмах и бумагах Петра» (II, стр. 194); к тому же источнику отсылают Смирнов (стр. 65) и Фасмер (I, 122), ср. также Христиани (стр. 36).

¹⁵ Ср. также случай со словом *баста*: Фасмер (I, 60) не приводит под этим словом никаких исторических данных, тогда как ССРЛЯ указывает хотя бы свидетельство изданного в 1847 г. Словаря Академии (I, 293). Ряд подобных слов, еще не имеющих датировки, остается достаточно длинным; ср. также *престиж* (II, 430), *прожектор* (II, 439) и др.

Естественно, что встречаются противоположные примеры, то есть словарные статьи, в которых документация Фасмера полнее, чем данные, приводимые в ССРЛЯ. При слове *берлина* (фр. *berline*, ср. I, 399) нет никаких иллюстраций из литературы, и даже лексикографические указания начинаются лишь со ссылки на словарь Нордстета (1780 г.); при этих обстоятельствах не было бы излишним привести хотя бы цитату (имеющую дату гораздо более раннюю, чем 1780 г.), которая была уже указана Смирновым (стр. 60; ср. также Фасмер, I, 79, — с правильной ссылкой на Смирнова). Примеры этого рода равным образом многочисленны и опять-таки только подтверждают наш вывод: совершенно очевидно, что оба эти важные источника — ССРЛЯ и этимологический словарь Фасмера — должны быть использованы одновременно; подобно тому как некогда данные Христиани и Смирнова, они дополняют друг друга во многих отношениях, и тот новый синтез, который мы пытаемся наметить в данной работе, должен иметь точками отправления эти два источника, так же, как и все то, что способно углубить наши знания относительно романских элементов в лексике русского языка.

II

1. Первым вопросом, к рассмотрению которого мы хотели бы приступить, является вопрос о лексикологической документации. Мы имеем в виду те проблемы, которые относятся к детальному (насколько это возможно) изучению самых разнообразных текстов с целью пополнения того материала, который был собран Христиани и Смирновым для начала XIX в.

Здесь возникает вопрос, который уже А. И. Ефимов как историк русского литературного языка должен бы был подчеркнуть с большей настойчивостью¹⁶. Много поворилось о массовом проникновении неологизмов в эпоху Петра Великого, но чрезвычайно мало известно о том, что исторически предшествовало этому стремительному и длительному обогащению словаря. Другими

¹⁶ См. А. И. Ефимов, стр. 128 и сл.; ср. также В. В. Виноградов. Очерки., стр. 30 и сл.

словами, очень немногочисленны те слова западного происхождения, которые отмечены с более ранней датировкой, чем начало XVIII века (например: *башня* вместо старого *башта*, ср. Vasmer, I, 66, а также В. Unbehaun, RÉS, IX, 30; *карега, корета*, Vasmer, I, 532; *магистр*, там же, II, 86; *паспорт*, там же, II, 321, и т. д.), и еще более редки те заимствования, употребление которых ранее 1700 г. было бы точно засвидетельствовано современными словарями. Так, относительно слова *аллебардник* в ССРЛЯ приводится первое свидетельство лишь 1655 г. (I, 91); между тем, это слово встречается уже в 1647 г. в переведенном с немецкого трактате о военном искусстве (заглавие оригинала: «Kriegskunst zu Fuss»; ср. А. И. Ефимов, стр. 129). Для слова *амуница* примеры ССРЛЯ не восходят далее словаря Нордстета, то есть 1780 г. (I, 121), а Фасмер считает, что это слово вошло в русский язык в эпоху Петра Великого (I, 17)¹⁷. Однако небезынтересно узнать, что данным XVIII века предшествовал вариант *амуниты* (ит. ammunito), который встречается уже в 1647 г. в упомянутом выше трактате о военном искусстве (ср. А. И. Ефимов, ук. стр.). Можно было бы сделать аналогичные замечания относительно таких важных военных терминов, как *солдат* и *мушкетер*¹⁸. То же можно сказать и относительно западноевропейской терминологии в области искусства и особенно театра. Если принять во внимание, что уже около 1675 г. декорации назывались: *рамы перспективного письма*¹⁹, придется поставить под сомнение утверждение Фасмера, что слово *перспектива* проникло в русский язык лишь в эпоху Петра Великого (II, 343)²⁰. Нужно заметить также, что в последней четверти XVII в. русская комедия делилась, согласно терминологии той эпохи, на *сени* (фр. scène)²¹,

¹⁷ «Seit 1703», — пишет он, отсылая к Христиани (стр. 36) и Смирнову (стр. 37).

¹⁸ Фасмер приписывает слово *солдат* Котошихину (II, 689), но оно засвидетельствовано в 1647 г. (см. указанное А. И. Ефимовым на стр. 129 издание). Так же точно весьма вероятно, что слово *мушкетер* (Vasmer, II, 181) употреблялось уже в ту эпоху, когда вошло слово *мушкет* (1647 г., ср. А. И. Ефимов, ук. стр.).

¹⁹ См. данные, приводимые А. И. Ефимовым (стр. 130).

²⁰ Ср. ниже.

²¹ А. И. Ефимов, ук. стр.

что позволяет предположить прямое знакомство в то время с французским театром²².

Эти несколько примеров дают основание, как кажется, утверждать, что совершенно недостаточно начинать изучение обогащения русской лексики с рассмотрения письменных памятников, относящихся ко времени Петра Великого, но нужно охватить также и произведения XVII в. и в особенности — многочисленные переводы той эпохи²³. Эти материалы должны будут войти в свое время в исторический словарь русского языка²⁴.

2. Как вытекает из предыдущих замечаний, мы придаем особенное значение проблемам хронологии и именно с этой точки зрения мы бы хотели в будущем исследовать также и те языки, которые, согласно общепринятому мнению, служили посредниками — по крайней мере в течение некоторого времени²⁵ — между западноевропейскими языками и русским языком. Известно, что при рассмотрении этого посредничества учитывается главным образом роль польского языка. Между тем в большинстве случаев, ни Смирнов, ни даже Фасмер не пытались выяснить хронологию соответствующих польских заимствований. Утверждается, например, что *атаковать* проникло в русский язык при посредстве польского *atakować*, но при этом не уточнено, с какого времени засвидетельствован этот польский глагол. Точно так же недостаточно объяснить вариант *атакировать* немецким *attakieren* (Vasmer, I, 31; не зарегистрировано в ССРЛЯ, I, 213; ср. Смирнов, стр. 50), но необходимо установить время, когда французский глагол укоренился на германской почве. В принципе, для того чтобы преемственность выглядела более или менее вероятной, было бы желательным, чтобы посредствующие

²² См. недавнюю работу: В. О. Unbegaun. Les débuts de la versification russe et la comédie d'Artaxerxes. RÉS, 1955, стр. 32—41.

²³ См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

²⁴ Относительно проекта старорусского словаря (XV—XVIII вв.) см. Б. А. Ларин. Проект древнерусского словаря. М.—Л., 1936.

²⁵ Согласно А. И. Ефимову, «характерной чертой заимствования этого времени [эпоха Петра Великого] является отсутствие польского посредничества, так характерного для XVI и XVII веков» (стр. 148).

формы были всегда засвидетельствованы в соответствующих языках с датой, предшествующей появлению иноязычного слова в русском языке²⁶.

3. Что касается изучения текстов, относящихся к эпохе Петра Великого и, вообще, к первой половине XVIII в., то необходимо, на мой взгляд, выполнить ряд первоочередных задач: пополнить всеми средствами в соответствии с требованиями современной науки тот материал, который был уже собран Смирновым и Христиани; проверить, как были проанализированы изученные к настоящему времени тексты, и распространить исследование на ряд новых текстов, которые, как кажется, привлекались редко или не упоминались вообще. Среди источников Смирнова преобладают официальные тексты²⁷, но среди них нет ни Курантов XVII в.²⁸, ни первых газет XVIII в.²⁹.

Еще слабее представлены мемуары и дневники путешественников; за исключением документов из архива князя Куракина, эти жанры, имеющие более личный характер, не играли почти никакой роли в документации Смирнова.

Между тем невозможно отказаться от свидетельств авторов мемуаров и путешественников. Чтобы подтвердить это, достаточно сослаться хотя бы на один источник — «Статейный список» П. А. Толстого, составленный в Италии в 1697—1698 гг., и привести оттуда, помимо ря-

²⁶ Этот пробел особенно ощутителен; к несчастью, этимологический словарь А. Брюкнера не приводит достаточно регулярно «первые свидетельства», и, что более важно, в нем находим только незначительную часть «европеизмов», вошедших в русский язык.

²⁷ См. Смирнов, стр. 21—22. Остается заметить, что ссылки на Полное собрание законов сопровождаются только приблизительными датами; не вполне понятно, почему Смирнов отказался от точного указания года, когда цитируемый закон был обнародован.

²⁸ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов пытаются произвести название *куранты* (пример из той эпохи см. в «Хрестоматии», ч. II, вып. I, стр. 24: «Перевод печатных цезарских изгаланских курантов») из латинского *currens* (там же, стр. 18), что ввиду изменения *e > a* исключается. Любопытно, впрочем, отметить, что в словаре к той же «Хрестоматии» мы читаем другое объяснение: «куранты (польск. *kuranty* с франц.)» стр. 275). По Фасмеру: *entlehnt über nhd. Couranten 'umlaufende Zeitungen' (Heyse) — ...oder direkt aus frz. courant»* (I, 697).

²⁹ О первых Ведомостях ср. Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. I, стр. 105—122.

да морских терминов, представляющих в этом тексте довольно целостную группу³⁰, весьма поучительное описание органа в церкви святой Иустины в Падуе: «втехъ арганехъ свищеть подобно птице кинарейкѣ или саловью... в техъ арганехъ, когда отогрять всѣ голоса и трубы тогда неостанется ни одинъ инструментъ отовсей музыки, которойбы втехъ арганехъ не отзываетъ(?)ся играніемъ вначале органы цынбалы скрипичи басы, шпромты арфы флейты виліорамъбы цытры трубы литавры и иные всякіе музыкальные инструменты...» (цит. по «Хрестоматии» Обнорского — Бархударова, ч. II, вып. I, стр. 71—72).

С лингвистической точки зрения эта фраза особенно интересна; с одной стороны, она позволяет нам предложить новую датировку для первого упоминания слов, обозначающих такие музыкальные инструменты, как *арфа* и *бас*³¹; с другой стороны, она дает нам даже такие термины, которые до сих пор не учитывались русской лексикографией. Что обозначает слово *шпромты* или, согласно другому варианту³², *шторты*? Словарь в «Хрестоматии» Обнорского и Бархударова оказывается очень лаконичным в этом случае («музыкальный инструмент»). Однако название этого инструмента легко объяснить: итальянисту очевидно, что мы имеем дело с диалектным вариантом с начальным *st-* слова *storto* (< *corno stor-*

³⁰ Поскольку издание, появившееся в «Русском архиве», для нас осталось недоступным, мы могли воспользоваться только отрывками, опубликованными в «Хрестоматии» Обнорского — Бархударова (ч. II, вып. I, стр. 69—82). Морскими терминами, о которых идет речь, являются среди прочих следующие: *гундала* (75), *маринерский* (77), *филюга* (75, 77), *фрегадон* (76), *фортуна* (76). Каждый из этих терминов заслуживает того, чтобы быть исследованным подробнее. Их документация в ССРЛЯ (III, 253—254) не восходит далее 1803 г. Относительно двух примеров, датируемых началом XVIII в., ср. Смирнов, стр. 91 (см. также Vasmer, I, 292).

³¹ Для слова *арфа* Фасмер не приводит никакой даты (I, 27), в то время как ССРЛЯ довольствуется ссылкой на данные 1722 г. (I, 185). Слово *бас* представлено у Фасмера также без датировки (I, 58), а ССРЛЯ (I, 290) отсылает лишь к данным, имеющимся у Вейсманнова («Deutsch-Lateinisch und Russisches Lexicon», 1731 г.).

³² Текст, опубликованный в «Русском архиве» (1888), ср. Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. I, стр. 72. Следует заметить, что оба списка воспоминаний Куракина относятся, по-видимому, к концу XVIII века (Обнорский — Бархударов, стр. 69).

to, ср. storcere), то есть с итальянским названием музыкального инструмента, известного на территории немецкого языка, под названием Krummhorn, Krumphorn (откуда и фр. cromorne)³³. Остается объяснить наименование другого инструмента. В данном случае речь идет о странном варианте названия инструмента *viola da gamba* (ср. Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 270). Граф П. А. Толстой, очевидно, записал форму, почерпнутую из разговорного языка, а именно вариант неаполитанского типа, где интервокальная группа *-mb-* не изменилась еще в *-mm-*, но начальное *g* уже заменено в данной позиции ларингальным спирантом — в приблизительной русской транскрипции — *р*³⁴. Что касается начала слова, слоги *violó*, видимо, отражают быстрое и до некоторой степени редуцированное произношение *viola-*; можно думать о *violə-*, *viulə-* как о первой, почти безударной части составного слова **violə-də-gambə*.

Может быть, не является ошибочным предположение, что оба эти названия музыкальных инструментов основываются на произношении итальянца-гида, сопровождавшего П. А. Толстого в церкви святой Иустины в Падуде... Как бы то ни было, нам представляется, что мы уловили в данном случае самый момент проникновения итальянских слов в русский язык конца XVII в.³⁵

4. Указанные нами примеры достаточно уясняют, как я надеюсь, одно из главных требований, которые следует предъявлять к обследованию старинных текстов. В настоящее время изучение заимствованных слов не может мыслиться без углубленного исследования исторических условий проникновения заимствований и в особенности социальной среды, в которой эти слова появились впервые. Алфавитный указатель заимствований, сопровождаемый цитатами, дающий соответствующую

³³ О слове *cromorne* (1690 г.) ср. A. Dauzat. *Dict. etym.*, 221.

³⁴ Ср. карту № 139 лингвистического атласа Италии К. Яберга и Я. Юда.

³⁵ Это упоминание инструмента *viola da gamba* тем более интересно, что первая часть сложного слова, а именно *viola*, проникла в русский язык намного позже (в 1803 году; ср. ССРЛЯ, II, 385). Фасмер довольствовался включением в свой словарь только одного представителя данной группы слов (*виолончель* — I, 203).

щий контекст, то есть их стилистическое окружение, может быть полезен лексикографу, но историк языка (и, добавим, тем более — историк культуры) не может довольствоваться неизбежной сухостью этих «*excerpta*»: он должен подвергнуть углубленному анализу тексты и за текстами должен всегда стремиться увидеть живых людей, авторов и те социальные слои, к которым принадлежат эти люди. Очевидно, что в 1697 г. итальянизмы П. А. Толстого могли быть понятны только ограниченному кругу русских читателей; несколько позднее, однако, наступит время, когда эти технические морские и музыкальные термины вместо того, чтобы остаться «*Luxuslehnwörter*», проникнут в употребление широких народных масс, как об этом свидетельствует, между прочим, история слова *бас*, о которой нам еще представится случай сказать несколько слов.

5. Чтобы наглядно показать важность контекста, рассмотрим еще один пример. Пытаясь возвести к относительно ранней эпохе возникновения «салонного жаргона», можно спросить себя, каково историческое прошлое слова *амур* (часто во множественном числе — *амуры*) в значении (устаревшем) «любовь», а не в значении «Амур», «Кулидон» (имя бога любви)³⁶. Укажем сначала на отрывок из дневника князя А. Куракина, в котором последний рассказывает о своих приключениях с одной прекрасной венецианкой³⁷. Текст кишит итальянизмами, и примечательно, что там появляются заимствования, имеющие несомненную эмоциональную окраску: «И въ ту свою бытность был инаморать (въ) славную хорошествомъ одною читадинку, называлася signora Francescha Rota, которую имѣлъ за медресу во всю ту свою бытность. И такъ былъ ипаморато, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая кошовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тот алог не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ» (Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 144).

³⁶ Ср. ССРЛЯ, I, 121—122.

³⁷ Текст уже приведен без комментариев В. В. Виноградовым, см. Очерки., стр. 60 (там же находится пример относительно старого употребления прилагательного *амурный*, засвидетельствованного, согласно данным ССРЛЯ, лишь начиная с 1780 г.).

Разумеется, можно было бы возразить, что в данном случае мы имеем дело с иностранным словом, вставленным в русский текст, но не так ли начинается «карьер» каждого заимствования, вошедшего через «высшее общество»?³⁸ Несколько десятилетий спустя в галантной новелле, недавно переизданной под заглавием «История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре», слово *амур* употребляется уже как общеизвестное наименование. После того как Иван, сын новгородского купца, увидел через приоткрытую дверь прелести Элеоноры, своей будущей любовницы, он восклицает: «недаромъ де говорили что елеонора прекрасна... ищастливъ бы былъ тотъ человекъ скоторымъ бы имѣла елеонора *амура*...». И немного дальше: «авсе на *амур* склоняль, имногую сумму денегъ изнурилъ, алиобви съ елеонороу неполучилъ» (Обнорский—Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 252—253).

В данном случае, как выше, в связи с венецианскими впечатлениями Куракина мы точно видим причины, которые способствовали сначала принятию итальянского синонима, затем французского. И если принять во внимание, что как раз в тот промежуток времени, который разделяет эти два текста, большинство итальянизмов должны были уступить место элементам французского происхождения, то мы имеем перед собой в миниатюре, по крайней мере, один из аспектов изменений, которые произошли в процессе европеизации русского словарного состава.

б. Очевидно, что было бы затруднительным помещать в лексикографическую работу такие подробные комментарии, как выше. Несмотря на эти трудности, которые не следует недооценивать, хороший лексиколог должен сделать все возможное для того, чтобы всячески оттенить особенности использованных текстов. Несомненно, это будет крайне трудоемкая работа, но именно для изучения языка XVIII в. такие кропотливые изыскания

³⁸ Ср. стихи Пушкина:

Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт *Casino*; чашек звон
Там раздается; на *балкон*
Маркёр выходит полусонный...

(Отрывки из путешествия Онегина; курсив мой.—Л. Г.)

особенно полезны. Во многих отношениях эта эпоха представляет собой еще белое пятно — не только в истории русского языка, но также и в истории языков юго-восточной Европы. Ограничимся двумя примерами. Ни румынская лексика, ни венгерская лексика XVIII в. не были еще объектом исследования, подобного тому, которое мы имеем в виду³⁹. Можно сказать, что с точки зрения методологии исторического языкознания, эта эпоха находится как бы между древним и современным периодом: она не является ни достаточно «древней», чтобы привлечь внимание специалистов по «национальным древностям», ни достаточно современной, чтобы в ней систематически выискивать начальные этапы литературного словоупотребления XIX и XX веков. В ожидании, когда появится словарь русского языка XVIII века, да будет нам позволено представить еще несколько примеров, способных иллюстрировать многообразные возможности обогащения нашей документации.

Австерия — «постоялый двор, ресторан» (итал. *osteria*, откуда также польск. *austerja*)⁴⁰. Это слово, не отмеченное ни Смирновым, ни Фасмером, не ускользнуло от внимания составителей ССРЛЯ (I, 31), которые, кроме нескольких цитат из литературных произведений XIX в., указали также на лексикографический источник 1835 г. (Энциклопедический лексикон). Все это еще не дает нам никаких сведений об эпохе возникновения русского слова. Заимствование, однако, должно быть довольно старым, так как слово несет еще на себе отпечаток польского влияния. Поэтому пример с этим словом, который мы нашли в тексте И. Т. Посошкова, заслуживает внимания: «И аще заморские питья отставить, а повелет:

↙³⁹ Что касается румынского языка, см. работу Л. Сайняну о словах турецкого происхождения (*Influenta Orientală asupra limbii și culturii române*, I—III. Bucarest, 1900) и мою работу о заимствованиях греческого происхождения (*Les mots d'origine néogrecque en roumain à l'époque des Phanariotes*. Budapest, 1939). О неологизмах французско-немецкого происхождения в венгерской лексике см.: M-me E. Dési (née Eltes). *A XVIII század francia szavai a magyar nyelvben* (Французские слова XVIII столетия в венгерском языке). Остается выяснить, действительно ли полезно, с лексикографической точки зрения, объединить русскую лексику XVIII в. с лексикой предшествующих столетий. См. выше.

⁴⁰ Об этом польском слове см. А. Вrüсkнер. ук. соч.

строить меды разными видами, различными и вкусом и продавать их из *австериш...*» С. С. Дмитриев — М. В. Нечкина. Хрестоматия по истории СССР, 2-е изд., П. М., 1949, стр. 17).

Любопытно отметить, что это слово иностранного происхождения написано пером экономиста, который боролся против притока импортных товаров и энергично требовал развития русской промышленности.

Балотовать, неизвестный дублет слова *бал(л)отировать*. В данном случае примеры ССРЛЯ не восходят ранее 1780 г. (I, 258), но легко показать, что этот вариант на немецкий лад (ср. *ballotieren*) был известен с 1720 г. (см. Смирнов, стр. 54; Vasmer, I, 48). Как кажется, когда-то говорили *балотовать* (итал. *ballotare*) и даже *балетовать* (!), как свидетельствует следующий отрывок из дневника Куракина⁴¹ (1708 г.): «Въ тотъ мой прїѣздъ отъ рѣчи посполитой венецкой чрезъ онаго господина бьмъ спрашиванъ, какъ хочу жить — публично или приватно, гдѣ хотели приставить двух *санаторых* [итал. *s(u)onatore*], для моего предводительства, также и *балетовали*, что дарить ли или нѣтъ от рѣчи посполитой чѣмъ» (Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 144).

По поводу того соотношения, которое наблюдается между *балотовать* и *балетовать*, бесполезно напомнить, что дублеты подобного рода заслуживают быть отмеченными с особенной тщательностью. Фасмер указывает существительное *декларация* (II, 337), но не упоминает о соответствующем глаголе. В ССРЛЯ обращается внимание на *декларировать(ся)*, но опущено, несмотря на свидетельство Смирнова (стр. 100), упоминание более раннего варианта, а именно *декляровать* (засвидетельствованного с 1713 г.). В качестве этимологии глагола ССРЛЯ просто отсылает к латинскому *declara*re (а не к немецкому *deklarieren*!), но мы начинаем сомневаться в правильности данного объяснения, читая, например, следующую фразу одного дипломатического донесения А. Кантемира (1733 г.): «того автора *декларовать* повиннымъ (как здѣсь говорятъ) *de haute trahison*» (Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 2, стр. 132—

⁴¹ Речь идет, как и выше, о его пребывании в Венеции.

133). В этой фразе, законченной французским выражением, *декларовать* вполне может быть заимствованием французского происхождения.

Мародер. До настоящего времени наиболее раннее свидетельство, которое нам известно, датировалось 1812 г. (Vasmer, II, 100). Тем не менее нетрудно найти данные, которые отодвигают первое упоминание слова к 1760 г. Этот памятный документ представляет собой распоряжение, касающееся поведения русской армии после взятия Берлина, где мы читаем следующую фразу: «...всю команду вашу содержать под ружьем, дабы *мародеры* не могли отлучатца...» (Хрестоматия по истории СССР, II, стр. 191).

7. Как явствует из приведенных примеров, большая часть неологизмов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого, имела длительную жизнь; является очевидным, что они подготавливали почву для еще более широкого распространения терминов, отражающих явления западной цивилизации. Остается рассмотреть, в какой мере характерные неологизмы XVIII в. проникли в стили различных литературных жанров. Как кажется, не только высокий стиль, но и различные разновидности среднего стиля (за исключением языка некоторых комедий; см. ниже) сопротивлялись нашествию новых слов, большинство которых оставалось еще специальными терминами. Тем не менее школьная драма, поставленная по случаю смерти Петра Великого (1725 г.), содержит настоящий перечень военных терминов, ставших модными в результате реорганизации армии:

«Какъ затрубять, загудят звучны барабаны,
бодрится Марс военны, с ним же капитаны,
Өендрихи, брегадиры, тут же генералы.
Гласъ бывает от войска и злѣо немалы,
а салдаты с мушкеты все и гранодеры
марсовато ходят все, аки бы кавалеры»

(Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 214).

Другим «жанром», который относительно рано благоприятствовал доступу неологизмов, является, как кажется, язык рифмованных поговорок, служивших надписями к лубочным картинкам. В сравнительно кратких выдержках из сборника, составленного около 1740 г. (Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 2, стр. 109—110),

мы обнаружили такие слова, как *шандал* «подсвечник» (ст.-фр. chandaille, chandoille)⁴², *фантаж* «род женского головного убора» (фр. fantaisie? ср. там же, в Словаре, стр. 337)⁴³, *фантажный*⁴⁴, *карнет*⁴⁵, *банкет*⁴⁶, *манер*⁴⁷, *лаброн* (< *роброн*) «tobe ronde»⁴⁸, *танцелеревой* «для танцев»⁴⁹.

По поводу последних неологизмов следует напомнить, что большинство новых слов предстает уже в измененной форме; эта тенденция свидетельствует об изменениях, которые претерпели неологизмы в устах народа, то есть о приспособлении «европеизмов» к фонетической структуре заимствующего языка.

8. Чтобы закончить наши соображения относительно заимствований первой половины XVIII в., необходимо дополнить данные, почерпнутые из самых разнообразных текстов, свидетельством словарей⁵⁰. На этот раз мы отошлем только к одному старинному лексикографическому источнику, который уже дал для ССРЛЯ целый ряд «первых упоминаний», — трехязычному словарю Вейсманнова («Deutsch-Lateinisch und Russisches Lexicon», 1731 г.). Этот ценный словарь, как и многие другие подобные работы, может дать нам сведения по следующим пунктам:

А) внимательное обследование этого словаря позво-

⁴² «дегтярной *шандалъ* да помойной *жбанъ*» (стр. 109; курсив здесь и в последующих примерах мой. — Л. Г.).

⁴³ «липовой *фантажъ* хать дехтемъ смашъ» (там же).

⁴⁴ «дюжина тарелокъ бумажных да две солонки *фантажныхъ*» (там же).

⁴⁵ «алебастровой *карнетъ* вкаторомъ ходить на *банкетъ*» (стр. 110).

⁴⁶ См. предыдущую сноску. Слово *банкет* засвидетельствовано с XVII в. (ср. ССРЛЯ, I, 268).

⁴⁷ «ежова шуба питербурскава *манеру...*» (стр. 110).

⁴⁸ «парусиной *лабронъ* да танцелеревой *балахонъ...*» (там же)

⁴⁹ См. предыдущую сноску.

⁵⁰ Прибегая к этому приему, мы хотим только показать полезность метода, рекомендованного в 1946 г. В. В. Виноградовым: «У нас не обследован даже тот словарный материал, который находится в славяно-русских словарях XVI—XVII вв., в азбуковниках, в русско-иноязычных словарях XVII и XVIII вв.... Даже сравнительное исследование состава разных словарей, например, словаря П. Соколова 1834 г., Академического словаря 1847 г., разных изданий Толкового словаря Даля не произведено» («О задачах истории русского литературного языка...», стр. 237).

ляет уточнить ряд датировок, предложенных современными словарями, среди других — этимологическим словарем Фасмера и ССРЛЯ. При слове *бас* Фасмер не ссылается ни на какой исторический источник, и этимология слова сформулирована очень осторожно: «Entlehnt aus ital. basso oder dem daraus entlehnten frz. *basse*, nhd. *Bass*» (I, 58). ССРЛЯ ограничивается приведением (в соответствии с данными Вейсманнова) прилагательного *басовый* и довольствуется суммарной ссылкой на итальянское *basso* («Итал. *basso* — низкий», I, 289—290). Однако возможно, что фонетическая форма соответствующего русского существительного (*бас*) должна быть возведена к фр. *basse*, тем более что семантические оттенки слова свидетельствуют скорее о значениях, свойственных французскому слову (ср.: 1) «voix propre à chanter la basse» — Littré, I, 305 — «голос способный петь басом»; по-немецки сказали бы скорее *Bassstimme*; 2) «nom d'instrument» — «название музыкального инструмента»; в немецком — *Bass* или *Bassgeige*). Во всяком случае, отвлекаясь от этимологии слова, в словаре Вейсманнова мы находим не только прилагательное *басовый*, но не менее трех форм, принадлежащих к этому же гнезду (ср. Вейсманнов, 67а):

1 а. *бас*: «голос» в выражении *басом петь* «chanter la basse»: «Einen Bass singen, voce gravi cantare, басом пѣти».

1 б. *бас* «название музыкального инструмента»: *Bassgeyge, chelys grandior*, скрипичный басъ».

2. *басовый*: «*Bassstimme, vox gravis, depressa*, голосъ низкий, толстый».

3. *басист*, слово заимствованное, возможно, из немецкого — *Bassist* (Литтрэ — I, 307 — приводит слово *bassist* только в значении «musicien qui joue du violoncelle» — «музыкант, играющий на виолончели»): «*Bassist, gravisonus*, басистъ, толстоголосый».

Согласно ССРЛЯ, первое упоминание слова *басист* относится лишь к 1789 г.

Б) Часто случается, что Вейсманнов регистрирует семантический оттенок, почти совершенно игнорируемый современными лексикографами; нужно, например, напомнить, что около 1730 г. слово *перспектив* значило

также «аллея, обсаженная подрезанными деревьями»⁵¹. Указание автора по этому пункту вполне определено: «Spalier, aulaeum, peripetasmata, шпалеръ in Garten, arbuscula tigillis adstricta, аллея, гулбище, перспективы, ходы въ садахъ» (587; курсив мой.— Л. Г.). Аналогичный пример был уже найден Смирновым (стр. 225) в памятнике 1711 г.: «Огород zelo хороший, украшенной хорошими деревьями и прешпективами» (Походн. журналы, II, 8).

Этот вариант с *-ин-* интервокальным может объясняться посредствующим влиянием немецкого языка (ср. *проспект*, простореч. *прешпект*, *пришпект*, Vasmer, II, 444). С другой стороны, для объяснения любопытного семантического изменения небесполезно сблизить эти фразы со 2-м значением слова *perspective* у Литтрэ: «Peinture qui représente des jardins, des bâtimens en éloignement et qu'on met au bout d'une galerie ou d'une allée de jardin pour tromper agréablement la vue»⁵² (III, 1078; ср. Diderot — d'Alembert. Encyclopédie. Lausanne — Verne, 1780, XXV, 464). Кроме того, можно принять в расчет также и другие данные, которые приводит Ф. Брюно: «В 1787 году один путешественник, Abel Burja описывает в «Conservateur de Delandine» перспективы Санкт-Петербурга...» (Histoire de la langue française, VI/2, 1240). В данном случае наименование *перспектива* (*perspective*) обозначает, несомненно, проспекты Санкт-Петербурга, а не аллеи сада. Но понятие, которое вызвало к жизни оба эти значения слова *перспектива*, в конечном счете, одно и то же: несомненно, что мы еще раз имеем дело с элементом французского происхождения.

В) Очень интересны также те словарные статьи, ко-

⁵¹ Согласно Фасмеру, *перспектива* значит только «Perspektive, Aussicht auf die Zukunft» (II, 343, с ссылкой на Смирнова). Вейсманнов, впрочем, допускает еще одно значение для данного слова, а именно обозначение оптического прибора: «tubulus, зрительная труба, перспективъ» (465 b). Слово засвидетельствовано в другом значении («кулиса, декорация») с 1698 г.; ср. описание Куракиным оперы в Венеции: «в той палатѣ бывают переменныя перспективы дивныя» (Обнорский — Бархударов, ч. II, вып. 1, стр. 72); см. также выше

⁵² «Картина, которая изображает сады, здания в отделении и которую помещают в конце галереи или аллеи сада с целью приятно обмануть зрение».

которые показывают отношение Вейсманнова к заимствованиям, засвидетельствованным с более раннего времени. В этой группе слов — не настаивая на документальной точности отмечаемых оттенков, обязанных, может быть, случайности, — можно различать несколько подгрупп:

а) Неологизм зарегистрирован в таких случаях, где по семантическим причинам его употребление оказывается необходимым; в этих случаях автор не добавляет никакого синонима (ср.: «Bresilien — Holtz, lignum brasiliense, брезиль дерево», 110 а).

б) Неологизм регистрируется, но сопровождается «туземными» синонимами. Так в случае со словом *провиант* (см. Смирнов, стр. 243), которому Вейсманнов посвятил следующую словарную статью: «Proviant, аннопа, соммеатус, провиантъ съѣстный, хлѣбный за-*пасъ*» (478 б., ср. **Manifest** 400 а, **Parthey** 462 б и т. д.).

в) Иногда неологизм заключен в скобки; особенно интересна словарная статья, относящаяся к названию вина *кларет* (слово, не отмеченное Фасмером): «Claret, vinum aromatites, вино Ароматное, благовонное (кларетъ)» (121 а). Аналогичное решение дает словарная статья к **konfekt**, где русскими синонимами являются «заѣдки, закуски (конфекты)» (122).

г) Неологизм не зарегистрирован в том месте, где он должен был бы фигурировать, но он находится в иной связи, в случайных примерах. К слову *Армее* Вейсманнов ограничивается указанием таких русских эквивалентов — «войско, рать», но к слову *Bagage* — в переводе фразы «die Armee hat viel Bagage bey» — мы находим: «Армея или войско багатемъ преизобильное» (46 а — б, ср. также ССРЛЯ, I, 237, наряду с другим примером, извлеченным из словаря 1731 г.). Остается заметить, что данные Вейсманнова отнюдь не представляют собой «первого упоминания», как можно было бы думать, судя по указаниям ССРЛЯ. Слово *багаж* было добавлено лично Петром Великим в рукопись «Лексикон вокабулам новым», составленную в начале XVIII столетия (ср. Смирнов, стр. 46, и Vasmer, I, 25, с ссылкой на данные 1705 г.).

д) Мы находим также «пуристские» решения. Хотя слово *пассажир* (вариант *пассажера*) засвидетельство-

вано начиная с 1706 г. (ср. Vasmer, II, 321), словарная статья к Passagier содержит только русские синонимы: «Вздохъ, спутникъ, путешественникъ, путешествующий» (463 b). Ср. перифразу, с помощью которой Вейсманнов пытался избежать употребления глагола *привилеговать* (засвидетельствовано начиная с 1720 г., ср. Vasmer, II, 431): «Privilegiren ..вольность, позвольтельное писмо давати» (478 a). Ср. также Abentheuer (3), Manier (399 b), Practiciren (476 a) и т. д.

9. Что касается второй половины XVIII в., то нам хотелось бы указать только на одну область, особенно важную в развитии литературного языка, которую А. И. Ефимов осветил недостаточно, не входя в детали вопроса⁵³. Речь идет о салонно-дворянском жаргоне XVIII в. (термин А. И. Ефимова) и, в особенности, о языке первых комедий, призванных осмеять галломанию аристократии и ее подражателей. К сожалению, пьеса «Ссора у мужа с женою» Сумарокова (1750 г.) осталась нам недоступной (хотя, благодаря некоторым цитатам из нее, мы нашли примеры на употребление глаголов *адорировать*, *меритировать*, *мепризировать*, *ремаркировать*, а также таких очень редких неологизмов, как *презанс* и *пансе*)⁵⁴; то же относится и к пьесе Лукина

⁵³ Ср. А. И. Ефимов, стр. 217—282; В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 148—188.

⁵⁴ Ср. К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 106. Следует обратить внимание на различие, которое состоит в присутствии и отсутствии суффикса *-ur-* (ср. *мепризировать*, с одной стороны, и *ремаркировать* [sic!] с другой). Является ли этот суффикс показателем посредствующей роли немецкого языка или дело скорее в сложном и прихотливом взаимодействии с аналогичными формами? Как бы то ни было, роль суффикса *-ur-* в этих недавно еще вошедших в язык глаголах можно сравнить с аналогичной ролью суффикса *-arisi* в румынском языке (об этом см. L. Galdi. Les premiers verbes d'origine française dans la langue roumaine.— «Zeitschr. f. frz. Sprache u. Lit» (1934, стр. 176—189). В этой же пьесе есть пример со словом *deessa* (< фр. *déesse*) в переносном значении: «Треземабл, сударыня, вы как *deessa* в моих глазах» (реплика Дюлижа, см. К. В. Пигарев, ук. соч.). Об аналогичном значении слова *богиня* (которое в данном употреблении является точной калькой *déesse*) см. ССРЛЯ, I, 527. Источник заимствования и соответствующего семантического изменения следует искать в галантной фразеологии эпохи, ср., например, у Мариво: «Mars les épouser vous la déesse s'humanise-t-elle: leur idolâtrie finit où nos bontés commencent» (Les serments indiscrets, цитировано Robert'ом, II, 1136).

«Щепетильник» (1765 г.), которая, если судить по выдержкам, приведенным в превосходной статье П. Н. Беркова, посвященной «салонному языку»⁵⁵, обогащает наши сведения относительно истории слова *дискурировать*⁵⁶, так же как и относительно малоизвестных заимствований, таких, как *экскуз* (excuse), *опер* (honneur), *иниоранство* (ср. ignorance) и т. д. Зато мы произвели беглое обследование текста «Бригадира», одной из самых прославленных комедий Фонвизина (1768—1769 гг.)⁵⁷; в своей работе мы руководствовались справедливым замечанием Беркова, согласно которому изучение языка комедий может дать нам сведения относительно проницкования заимствований, так же как и относительно их вариантов, семантического развития и т. д.⁵⁸

В употреблении галантных слов французского происхождения Фонвизин проявляет себя как верный ученик Сумарокова: у последнего «языковая галломания» проявляется в диалогах Дюлижа и Деламиды, то есть дамы и ее «вздыхателя», — в конечном счете, аналогичное распределение ролей характерно для диалогов советницы и Иванушки в «Бригадире». Оба персонажа, впрочем, являются также партнерами в карточной игре: поэтому на страстное восклицание Иванушки «Ты кёровая дама!» — обожаемая дама отвечает: «Ты трефовый король!» (акт I, явл. 3).

В уста советницы автор вкладывает такие слова, как

⁵⁵ П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII в. ИАН ОЛЯ, т. VIII, вып. I, 1949, стр. 34—49.

⁵⁶ *Дискурировать* (< нем. diskurieren, фр. discourir) отсутствует в ССРЛЯ, но *дискурс* встречается уже в словаре неологизмов, составленном при Петре Великом (Смирнов, стр. 107); ср. П. Н. Берков, стр. 46.

⁵⁷ О датировке комедии и отношении ее сюжета к одной из пьес Хольберга см. Д. Благой. Фонвизин. М., 1945, стр. 74—76. См. также К. В. Пигарев, стр. 91—111; В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 149—150 и т. д.

⁵⁸ «Изучение языка комедий, благодаря возможности более или менее точно их датировать, позволяет установить очень важный элемент истории языка — момент наиболее позднего употребления того или иного слова, выражения, грамматической формы, исчезнувших затем из бытовой практики. Равным образом комедии позволяют отмечать моменты появления новых слов, новых значений, новых синтаксических явлений» (ук. соч., стр. 49).

*фасон*⁵⁹, *капабельный*⁶⁰, *бизарный*⁶¹, *дискюрировать*⁶², *контрадиловать*⁶³, *комплезан*⁶⁴, *сентимент*⁶⁵. Что касается галлицизмов Иванушки, то достаточно напомнить употребление *бильеду*⁶⁶, *резонеман*⁶⁷, *эр*⁶⁸, *аверсия*⁶⁹.

Неологизмы комедии представляют и некоторые морфологические особенности⁷⁰; что касается выражений и калек французского происхождения, то к ним мы вернемся в разделе IV. Русские критики часто подчеркивали изящество и легкость фонвизинских диалогов⁷¹; эти

⁵⁹ «Для нас, сударь, *фасоны* не нужны» (акт I, явл. 1); (курсив здесь и в последующих примерах мой.—Л. Г.).

⁶⁰ «Я *капабельный* с тобой развестись» (там же).

⁶¹ «Вы ужесь как *бизарны*» (акт IV, явл. 6); слово отсутствует в ССРЛЯ.

⁶² «Разве нельзя о другом *дискюрировать?*» (акт I, явл. 1); ср. выше.

⁶³ «Конечно, он сам себе *контрадирует*» (акт V, явл. 2).

⁶⁴ Это прилагательное находится в фразе, имеющей неотразимый комический эффект: «Будто бы столько *комплезан*, что...» (акт I, явл. 3). Существовала ли также и полная форма *комплезаный*? Мы не решились бы утверждать это.

⁶⁵ «Так, душа моя, я сама с тобою одних *сентиментов*» (акт I, явл. 3).

⁶⁶ «Я сам писывал тысячу *бильеду*» (акт I, явл. 2).

⁶⁷ «Ваш *резонеман* справедлив» (акт I, явл. 3). Следует отметить довольно редкую передачу суффикса *-ment* в виде *-ман*; как можно видеть, жена Советника говорит в той же пьесе, насыщенной галлицизмами, *сентимент* (ср. итал. *sentimento*), но не **сантиман*.

⁶⁸ Иванушка говорит своей матери: «Матушка, пропойте-ка вы нам какую-нибудь *эр*» (акт IV, явл. 4; фр. аиг. мужского рода), на что мать рассерженно отвечает: «Что пропеть?» Очевидно, что грамматический род слова *эр*, рассматриваемого как слово женского рода, обязан влиянию слова *ария*.

⁶⁹ «Матушка, довольно видеть вас с батюшкой, чтобы получить совершенную *аверсию* к женитьбе» (акт V, явл. 1); слово отсутствует в ССРЛЯ.

⁷⁰ Такой особенностью среди других является частое употребление родительного падежа на *-у* у существительных мужского рода; ср. *дискуру* (акт III, явл. 5; о дублете *дискурс* — см. Смирнов, стр. 10; ср. выше), *конесансу* (акт V, явл. 2), *политесу* (акт V, явл. 3). Форме мужского рода *конесансу* можно с полным правом противопоставить слово *презанс*, употребленное несколько ранее Сумароковым в женском роде (!); ср. К. В. Пигарев, стр. 106.

⁷¹ Согласно Пигареву, несмотря на тот факт, что «Иванушка и советница «орнируют» свою речь французскими восклицаниями, короткими французскими фразами и руссифицированными французскими словами», их жаргон «отличается полной непринужденностью» (стр. 106). О социальных условиях этой галломании — см. А. И. Ефимов, стр. 218.

качества в начале XIX в. были усовершенствованы великим мастером драматургического языка. Поэтому, не останавливаясь на других комедиях Фонвизина⁷² и последующих авторов мы сразу же перейдем к анализу языка XIX в. и выскажем некоторые соображения о выразительности неологизмов французского происхождения в «Ревизоре» Гоголя⁷³.

10. Мы ограничимся рассмотрением только 7 слов из комедии Гоголя, но принимая во внимание значение автора, каждому из этих неологизмов мы посвятим отдельную краткую заметку, при составлении которой мы воспользуемся также данными этимологических разысканий.

Существительное *амбре*, которое в школьном издании «Ревизора» объясняется в примечании как «приятный запах»⁷⁴, находится (ср. ССРЛЯ, I, 114) в следующем восклицании жеманной Анны Андреевны: «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице, и чтоб у меня в комнате такое было *амбре*, чтоб нельзя

⁷² В комедии «Недоросль» (1760—1782 гг., ср. Д. Д. Благой, стр. 84) встречается, например, хороший пример на употребление прилагательного *деликатный* в конкретном значении: «дитя и без узкого кафтана *деликатного* сложения» (акт I, явл. 2). По ССРЛЯ (III, 672), *деликатный* засвидетельствовано с 1771 г. Большой интерес представило бы и детальное обследование лексики фонвизинской переписки; пока ограничимся указанием на употребление слова *оберж* (фр. *auberge*) в письме 1777 г. (см. Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма. М., 1947, стр. 23). О слове *австрия* — см. выше.

⁷³ О языке Гоголя — кроме исследований Е. Ф. Карского (1902 г.) и Е. Ф. Будде (1904 г.) — см. работы В. В. Виноградова: Этюды о стиле Гоголя. — В сб. «Язык Гоголя». Л., 1926; О языке ранней прозы Гоголя. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка»; т. II. М., 1951, стр. 94—138; Язык Гоголя и его значение в истории русского языка, там же, т. III, 1953, стр. 4—44; Очерки., стр. 346—384, а также А. И. Ефимов, стр. 308—325 (с библиографией). См. также в программе исследований, выдвинутой в 1946 г. В. В. Виноградовым: «В области изучения языка художественной литературы XIX в. необходимо исследование таких проблем, как строение драматического характера в пьесах Гоголя — на фоне комедийно-драматических стилей XVIII и начала XIX вв...» («О задачах истории русского литературного языка...», стр. 238).

⁷⁴ Ср. А. С. Дегожская, Л. С. Троицкий, Т. В. Цирковская. Родная литература. Хрестоматия для VIII класса, 10-е изд. М.—Л., 1951, стр. 223.

было войти, и нужно бы только этак жмурить глаза» (д. I, явл. 1; здесь и в дальнейших примерах курсив мой. — Л. Г.).

Рассмотрение этого примера дает нам основание внести существенное исправление в словарь Фасмера, где мы читаем «амбрей Parfum aus Ambraessenz (z. B. Mel'nikov), амбре indekl. bei D. [= Даль], aus frz. *ambré* nach 'Ambra riechend', das aus Indien stammt» (I, 16). Первая ошибка Фасмера состоит в том, что он не счел нужным принять во внимание семантическое различие, предложенное среди других Павловским: амбра 1. «eine Art Parfum aus Ambraessenz mit Beimischung anderer Stoffe»; 2. «der Wohlgeruch überhaupt» (I, 11)⁷⁵. Ссылка Фасмера на Далая может быть дополнена свидетельством другого лексикографического источника (Энциклопедический словарь 1862 г., ср. ССРЛЯ, I, 114), также свидетельством Гоголя, которое относится к намного более ранней эпохе. Что касается расширения значения («запах амбры» > «приятный запах»), то оно, по всей видимости, возникло на русской территории; его можно сопоставить с аналогичной эволюцией слова *амбра*, третье значение которого, отмеченное в ССРЛЯ, заимствовано также в тексте Гоголя, когда речь идет о благоухании цветов: «Испарения подымались туще, каждый цветок, каждая травка испускала *амбру*, и вся степь курила благовонием» (Тарас Бульба, гл. II).

С семантической точки зрения восклицание Анны Андреевны должно быть сопоставлено с тем идеалом, который несколько позднее был воспет Бодлером в следующих незабываемых стихах его «Invitation au voyage»: «Des meubles luisants — Polissés par les ans, — Décoreraient notre chambre; — Le plus rares fleurs — Mêlant leurs odeurs — Aux vagues senteurs de l'*ambre*...». Распространению прилагательного *ambré* (и связанного с ним представления) несомненно способствовали такие выражения, как *eau de Cologne ambrée*, *eau de lavande ambrée* (Robert, I, 126), ср. также стихи Гюго: «Oh! si j'étais capitaine ou sultane, Je prendrais des bains *ambrés*» (Orientales, XIX).

⁷⁵ Ср. аналогичное различие двух значений в ССРЛЯ (Ук. место).

После всего сказанного становится почти излишним уточнять, что слово, употребленное Гоголем в «Ревизоре», происходит от фр. *ambigé*, а не просто от *ambre*, как утверждает этимологическое примечание в ССРЛЯ.

Для слова *бонтон* (незарегистрированного Фасмером, но ср. ССРЛЯ, I, 572, с примером, извлеченным из романа Д. Григоровича, и лексикографическими данными 1863 г.) мы можем указать следующую фразу Хлестакова (вовлеченного в нелепую беседу с почтмейстером): «Ведь это только в столице *бонтон*» (д. IV, явл. 4). Следует отметить, что Гоголь приписывает Хлестакову употребление и слова *моветон*, очень редкого антонима слова *бонтон*: «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени *моветон*» (д. V, явл. 8). Во французском языке функция определения или «квалифицирующего существительного» (*substantif qualificatif*) была бы немислимой для сочетания *mauvais ton*.

Существительное *вожжировка*, русское производное от *вожжировать* (засвидетельствованного с 1803 г. и употребляемого также Тургеневым, ср. ССРЛЯ, III, 751) произносится Анной Андреевной в следующей памятной фразе: «Я думаю, вам после столицы *вожжировка* показалась очень неприятною» (д. III, явл. 6). Остается уяснить, почему к 1835 г. слово *вожжировка* казалось более экспрессивным, чем *вожж* (засвидетельствованное с 1720 г.⁷⁶ и употребленное Раевским в 1811 г.). Создается впечатление, что указанное нами различие объясняется семантическим полем (*l'aire sémantique*) слова *вожжировать*, которое следующим образом определено в ССРЛЯ: «путешествовать (особенно с целью удовольствия)». Было ли намерение у Анны Андреевны представить «официальный» визит Хлестакова как увеселительное путешествие? В настоящий момент мы не решаемся категорически ответить на этот вопрос, но, во всяком случае, даже фонетический облик слова *вожжировка*, снабженного суффиксом *-ка*, его «разговорность» могли играть роль при выборе синонима, наиболее подходящего для данной ситуации.

⁷⁶ По Фасмеру, это слово встречается только с 1764 г. (I, 234, с ссылкой на Христиани — стр. 57). Предшествующим дублетом явно итальянского происхождения было *виажж* (< итал. *viaggio*, ср. Смирнов, стр. 75).

Что касается прилагательного *галантерейный*⁷⁷, то его значение у Гоголя соответствует отнюдь не общепотребительному значению слова *галантерея*, которое Фасмер переводит только как «*Kitzzwarenhandel*» (I, 252), а «нематериальному» значению французского *galanterie* (ср. *галантный*, *галантность*). «Галантерейное, черт возьми, обхождение!»—воскликает Осип, перебирая в памяти свои впечатления о Петербурге, и добавляет: «Невежливое слова никогда не услышишь: всякий тебе говорит *вы*» (д. II, явл. I). Этот пример, как кажется, представляет собой «единичный» случай (un «*harax*»), по крайней мере, с точки зрения литературных примеров. Белинский имел в виду именно эту сцену и даже эту фразу, когда он писал: «Вы видите деревенского слугу, который пожил в Петербурге, постиг достоинство столичной жизни и *галантерейного* обращения» (приведено в ССРЛЯ, III, 21). Тем не менее это не только «гоголизм», так как просторечное слово *галантерейность* засвидетельствовано также в значении «любезность, обходительность» в ССРЛЯ (ср. у Григоровича в «Зимнем вечере»: Иван Тихоныч «был человек пожилой, в приемах его виднелись остатки гостинодворской *галантерейности*»).

Все это показывает, что производные от заимствованного слова не обязательно отражают семантическую сферу «основы» (*l'aire sémantique de la «gacine»*); не смотря на конкретное значение слова *галантерея* — *галантерия* (засвидетельствованного с начала XVIII в.), прилагательное *галантерейный* и отвлеченное существительное *галантерейность* связываются не с этим заимствованием, а непосредственно с одним из наиболее известных значений французского *galanterie*. Остается посмотреть, не сможем ли мы в результате углубленного анализа текстов XVIII в. найти несколько надежных примеров аналогичного значения слова в русском языке, то есть абстрактного значения слова *галантерея*. Доказательство существования этого значения значительно упростит проблему, которую мы поставили.

⁷⁷ Ср. справедливое замечание В. В. Виноградова о «галантерейном языке купцов и мещанства», об их «вульгарной книжности, «галантерейности» и тяготении к европеизмам» (Очерки..., стр. 377—378).

Слово *гарнизá*⁷⁸, употребленное городничим⁷⁹, выдвигает проблемы скорее морфологического порядка. Насколько мне известно, не существует какого-либо общепринятого объяснения для образования формы *гарнизá* от нормальной формы *гарнизон* («Die Neubildung *гарнизá* ist eigentümlich», — пишет Фасмер с присутствующим ему лаконизмом, ср. I, 260). Со своей стороны, я склонен думать о любопытной форме «множественного числа», образованной в результате своеобразной «реэллинизации»: единственное число слова *гарнизон* (фр., нем. *garnison*, будучи воспринято, например, в жаргоне семинаристов или, во всяком случае, людей, знающих греческий язык, как «греческое» существительное на *-ón*, могло дать форму множественного на *-a*, то есть существительное с собирательным значением *гарнизá*, которое стало восприниматься затем как существительное в единственном числе (ср. лат. *folium* > собирательное множественное *folia*, откуда фр. *feuille*, итал. *foglia*, румын. *foaie* и т. д.). Можно предположить также влияние собирательных существительных типа *беднота*, *мелкота*, *пахота* (но не следует забывать, что в данном случае собирательным «суффиксом» является *-a*, а не *-та!*).

Гораздо меньше можно останавливаться на двух последних словах. Относительно слова *екивоки*, реже *экивоки* (ср. д. III, явл. 9; снова в речи городничего) нужно бы было уточнить распространение этой формы с начальным *e-* (*je-*); будем надеяться, что ССРЛЯ даст в свое время удовлетворительный ответ на этот вопрос. Наконец, глагол *жуировать*, употребленный Хлестаковым (д. V, явл. 8), заслуживает внимания по хронологическим соображениям; в настоящее время мы не смогли бы указать на какой-либо пример ранее 1835 г. (ср. ССРЛЯ, IV, 187); хотя слово зарегистрировано уже Далем, его нет в словаре Фасмера.

⁷⁸ Мы предпочитаем обозначить ударение согласно Далю; Фасмер (I, 259) приписывает этот же вариант с ударением на последнем слоге также Чехову. Вариант *гарнизá* кажется более новым; ССРЛЯ (I, 42) ограничивается здесь ссылкой на словарь Ушакова.

⁷⁹ «Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная *гарнизá* наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет» (д. I, явл. 3).

11. Употребление Гоголем «европеизмов» с экспрессивным значением, играющих существенную роль как в его знаменитой комедии, так и в прозе, не замедлило найти последователей; имеются случаи, когда слова или семантические оттенки, ставшие известными благодаря Гоголю, встречаются затем у известных писателей. Можно, например, показать, что сатирическая проза Салтыкова-Щедрина сохраняет многочисленные реминисценции чтения Гоголя. Наблюдения А. И. Ефимова над языком Салтыкова-Щедрина привлекли внимание к употреблению в переносном значении слова *дантист*⁸⁰. По поводу этого слова я высказал в 1935 г. следующее замечание: «только Салтыков-Щедрин решился назвать дантистом грубого полицейского, который дурно обращается со своими «клиентами» и тычет им кулаком в зубы»⁸¹. Но я ошибался: после выхода в свет моей статьи я имел возможность ознакомиться с томом III ССРЛЯ, который открыл мне, к моему большому удивлению, существование аналогичного примера в «Мертвых душах»⁸²; отсюда следует, что, пока нет иных данных, Гоголь должен считаться «виновником» распространения (а может быть, даже и изобретателем) метафорического значения слова *дантист*. Разумеется, остается рассмотреть, возникло ли это метафорическое значение во Франции или в России. Большие словари французского языка ничего не говорят по этому поводу, тем не менее со своей стороны, я был бы склонен думать, что Гоголь нашел это комическое значение слова во французском источнике, точнее — в юдной из французских комедий того времени. Не стоит поворить о том, что эта гипотеза никак не исключает возможности непосредственного создания метафорического значения, как это показывает и аналогичное, впрочем довольно

⁸⁰ См. А. И. Ефимов. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952, стр. 22.

⁸¹ «Acta Linguistica de Budapest», 1935, стр. 233.

⁸² «А фельегер уже там, понимаете, за дверью и стоит: трехаршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом *дантист* этакой» (приведено в ССРЛЯ, III, 555); о влиянии стиля Гоголя — см. В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 383—384.

своеобразное, употребление венгерского слова *fogorvos* в одном спортивном репортаже⁸³.

12. Другим литературным жанром, не менее благоприятным для использования неологизмов с эмоциональной окраской, является, несомненно, роман. В данной области, как и в других, необходимо обследование большого количества текстов; в последующем изложении мы ограничимся анализом нескольких поучительных примеров, извлеченных, во-первых, из небольшого лирического романа Лермонтова и, во-вторых, из романа Достоевского «Преступление и наказание».

Сначала несколько замечаний о лексике полуромантического, полуреалистического романа Лермонтова («Герой нашего времени»), а именно второй его части («Княжна Мэри»), где многие сцены продолжают лучшие традиции языка комедий⁸⁴. Тонкий анализ пятигорской жизни, который производит на нас особенное впечатление благодаря автобиографическим деталям, давал автору прекрасную возможность нарисовать картину «водяного общества» и отразить в глубоко лирическом произведении некоторые характерные черты «салонного языка» своего времени. Снова мы имеем дело с экспрессивными галлицизмами⁸⁵, которые в соответствии с нашим методом должны быть рассмотрены с точки зрения контекста, их окружающего.

Амфитеатр. В описании окрестностей Пятигорска встречается слово *амфитеатр* в переносном значении, а именно в применении к местности, которая «s'élève en amphithéâtre» (согласно определению Литтрэ, ср. I, 136): «...там, дальше, *амфитеатром* громоздятся го-

⁸³ В номере венгерского журнала «Sport» от 2 декабря 1956 г. фотография, изображающая двух волейболистов (один из них в положении собирающегося нанести удар кулаком в зубы другому), снабжена следующей надписью: «Csak a szájába. A bolgár Mircsev (ahíghanem *fogorvos*) és az amerikai Darling (Прямо в зубы. Болгарин Мирчев (возможно, *дантист*) и американец Дарлинг)».

⁸⁴ О стиле Лермонтова, особенно в тексте, который мы собираемся анализировать, см. В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 298, а также Д. И. Абрамович. О языке Лермонтова. (Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, т. V. СПб., 1913, стр. 182—209)

⁸⁵ Об экспрессивности идеологизмов в первой половине XIX в. см. В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 329.

ры...»⁸⁶. В другом месте, в рассказе о поездке Печорина Лермонтов снова использует этот же оборот: «*крупом амфитеатром* возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой» (IV, 86). Модель этих фраз следует искать в классическом употреблении; уже Буало писал: «*Le village au dessus forme un amphithéâtre*» (Ерître VI, приведено у Литтрэ, ук. место). Аналогичные примеры часты в XVIII веке, ср., например: «*Des monts et des coteaux le vaste amphitéâtre disparaît tout à coup sous un voile grisâtre*» (Saint-Lambert, Saisons; см. Littré, там же). Историк литературного языка не может, следовательно, довольствоваться общей отсылкой к греческому (ССРЛЯ, I, 123) или же таким нерешительным указанием, как у Фасмера⁸⁷. Предложенные нами параллели, как кажется свидетельствуют о явном влиянии соответствующих французских оборотов.

Ангажировать. Как свидетельство употребления этого глагола в значении «пригласить даму на танец» (ССРЛЯ, I, 136) небезынтересно напомнить слова «пьяного господина», который «хриплым дишкантом»⁸⁸ обращается к княжне Мэри: «Пермете [!] ...ну да, что тут!.. просто *ангажирую* вас на мазурку...». И несколько далее настойчивое приглашение того же персонажа, жаждущего преодолеть недоумение и колебания княжны: «Я-таки опять имею честь вас *ангажировать* роуг тазгте...» (стр. 91). Этот прыжок, и особенно его вторая часть, отчетливо показывают сатирическую направленность Лермонтова: он вкладывает в уста своего антипатичного персонажа русское «на мазурку» и французское «роуг тазгте», чтобы высмеять людей, которые из

⁸⁶ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. IV. ОГИЗ, 1948, стр. 66. Далее цитируется по этому изданию (курсив мой.—Л. Г.).

⁸⁷ «*Neue Entlehnung über nhd. oder frz. amphitéâtre* (I, 17). Семантические границы соответствующего немецкого слова должны были быть исследованы подробнее.

⁸⁸ Фасмер (I, 353) пытается объяснить эту форму, содержащую интервокальное *-шк-* и, по его мнению, устаревшую, из немецкого *Diskant*. Возникает вопрос, не правильнее ли видеть здесь влияние польского *dyskant* (см. Смирнов, стр. 107). Рассматриваемая форма появится позднее у Салтыкова-Щедрина (ССРЛЯ, III, 803).

страха проявить себя «à la moujik»⁸⁹ пытаются пробормотать несколько слов по-французски, чтобы походить, по крайней мере внешне, на «высший свет»⁹⁰.

Искажение окончания французско-польского слова *mazurka* объясняется своеобразным ложным отталкиванием, ср. соответствия типа *gouvernante* — *губернантка*, *coquette* — *кокетка*, (*une dame*) *avenante* — *авенантенькая*⁹¹ и т. д.

Галиматья. Доктор Вернер в дружеской беседе говорит Печорину: «В вашей *галиматье* юднакож есть идея» (стр. 76). Это свидетельство представляется ценным не только по сравнению с этимологическим словарем Фасмера, где не находим никаких указаний на проникновение этого слова в русский язык, но и для ССРЛЯ, единственный классический пример которого извлечен из Некрасова (III, 24)⁹².

Грот. До сих пор это слово, — французское (*grotte*), а не итальянское (*grotta*, откуда вариант *groтта*, 1803 г., позднее *грота*, ср. ССРЛЯ, III, 423), происхождение которого было признано ССРЛЯ, но установлено довольно неопределенно Фасмером (I, 311), — было засвидетель-

⁸⁹ Этот странный оборот употреблен в романе Лермонтова Грушницким, который говорит об одном московском франте: «Да и борода кстати, и прическа à la moujik» (стр. 70).

⁹⁰ В связи с галломанией русских аристократических кругов той эпохи небезынтересно привести здесь один очень знаменательный — даже с филологической точки зрения — отрывок из посмертного романа Т. Манна: «Die Franzosen... lieben und ehren die Rede — durchaus mit Recht! Ist sie es doch, welche den Menschen vom Tier unterscheidet, und die Annahme ist gewiss nicht unsinnig, dass ein Mensch sich desto weiter vom Tiere entfernt, je besser er spricht — und zwar französisch. Denn das Französische erachtet diese Nation für die Menschensprache, gleich wie ich mit vorstelle, dass das fröhliche Völkchen der alten Griechen ihr Idiom für die einzig menschliche Ausdrucksweise, alles andere aber für ein barbarisches Gebelfer und Gequäk mögen gehalten haben, — eine Meinung, der die übrige Welt sich unwillkürlich mehr oder weniger anschloss, indem sie jedenfalls das Griechische, wie heute wie das Französische, für das Feinste ansah» (Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull. Berlin, 1956, стр. 131).

⁹¹ Об этом галлицизме см. ниже.

⁹² В данном случае лексикографические данные (1803, Яновский и др.) как будто предшествуют литературным примерам, но вытекающий отсюда вывод сомнителен; вообще живое употребление и литературные свидетельства предшествуют включению слова в словари.

ствовано лишь одним примером из классической русской литературы — в поэме Лермонтова «Джюлио» («Средь гор кавказских есть, слышал я, *grot*...» — т. III, стр. 76). Прибавим сюда еще следующий пример — из того места, где Печорин рассказывает о своей прогулке в пятигорском парке: «Я углубился в виноградную аллею, ведущую в *grot*, мне было грустно...» (стр. 82). Следует еще заметить, что, по свидетельству Нордстета (1780 г.), слово встречается уже в конце XVIII в.; следовательно, оно является словом, тесно связанным с культом «деревушек» и предромантических английских парков.

Диверсия. ССРЛЯ регистрирует это слово только как политический и военный термин, приводя при этом данные с 1803 г. (III, 777; ср. также у Фасмера, I, 350, данные, восходящие к 1705 г., то есть к эпохе Петра Великого)⁹³. Что касается Лермонтова, то он употребил это слово в переносном смысле, но отмечая, так сказать, семантический переход от конкретного значения к метафорическому: «Это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию». Согласно примечанию в одном из изданий романа⁹⁴, «*диверсия* — в данном случае отвлечение внимания», что вполне соответствует второму значению слова в ССРЛЯ, определенному следующим образом: «Военная операция, производимая вдали от центра военных действий, для отвлечения сил и внимания врага» (ук. место). Но является ли данное метафорическое употребление слова чем-то оригинальным в произведении Лермонтова? Мы не думаем так; оно возникло, по-видимому, под влиянием фр. *diversion* в таких выражениях, как *faire diversion à la douleur, un travail régulier sera une diversion à son ennui* и т. д. Это значение слова не было неизвестным в XVIII в.: «*don César et sa belle fille n'épargnèrent rien pour faire diversion à mon chagrin*», — писал Лесаж, автор, с которым Лермонтов был прекрасно знаком (ср. Robert, II, 1347).

Мсьё. В тот момент, когда Печорин приближался к

⁹³ А. Н. Толстой имел, следовательно, полное основание включить это слово в роман «Петр I», ч. II, гл. 5 (ССРЛЯ, ук. место; ср. Христиани, стр. 37; Смирнов, стр. 104).

⁹⁴ В серии «Школьная библиотека», М., 1939, стр. 189.

княжне Мэри, чтобы приветствовать ее, «она немножко покраснела и быстро проговорила:— Не правда ли, *мсье* Печурин, что серая шинель гораздо больше идет к *мсье* Грушницкому?» (стр. 106).

Было бы интересным узнать что-либо о проникновении и распространении этого «термина вежливости», который не рассматривается ни Ушаковым, ни Фасмером, но который, однако, представляет собой случай, сходный с проникновением слов *мадам(а)* и *мадемуазель* (Ушаков, II, 118). Слова княжны Мэри следует сопоставить с III строфой I песни «Евгения Онегина», где *Monsieur* употреблено как французское слово: «...Сперва *Madame* за ним ходила, Потом *Monsieur* ее сменил» (ср. в строфе IV: «...*Monsieur* прогнали со двора»). Двусложная форма, отмеченная Пушкиным, своеобразно противопоставляется фамильярному варианту *мсье*, который — так же, как во французском — употребляется в безударном положении перед именем. Когда этот «термин вежливости» находился в ударенном положении, та же княжна Мэри прибегала к полной форме (ср.: «*mersi, monsieur*» стр. 30 и т. д.). Ср. варианты *мусью, мусье* у Достоевского⁹⁵.

Мушка. Лермонтов использует это слово, взятое в переносном смысле, при почти карикатурном описании внешности одной дамы: «Я стоял сзади одной толстой дамы... пышность ее платья напоминала времена фижм, а пестрота ее негладой кожи — счастливую эпоху мушек из черной тафты» (стр. 89—90). Очевидно, с морфологической точки зрения, это слово, даже в данном значении, могло бы быть производным от *муха*. Однако более вероятно, что здесь имеет место своего рода «скрещенье» русского слова *муха* с французским *mouche* «*petit morceau de taffetas noir, de la grandeur d'environ l'aile d'une mouche, que les dames mettent sur le visage*» (Littré, III, 643). Другое объяснение — фр. *mouche* + рус. -ка, ср. *tabatièra* > *табатёрка, табакерка*.

13. Что касается Достоевского⁹⁶, то галлицизмы, использованные в романе «Преступление и наказание» в

⁹⁵ Ф. Достоевский. Избранные сочинения. М., 1946, стр. 130.

⁹⁶ Об отношении стиля Достоевского к стилю Гоголя см. В. В. Виноградов. Очерки..., стр. 384.

стилистических целях, были, так сказать, предвосхищены галлицизмами многих более ранних его произведений. В повести «Село Степанчиково и его обитатели», например, легко найти не только сцены, высмеивающие галломанию провинциальных дворян, а такие фразы, в которых, по всей видимости, намеренно напромождены слова французского происхождения⁹⁷, но и также лексические элементы, которые заслуживают внимания в семантическом или хронологическом отношении. Таковы, между прочим, глагол *атаковать*, употребленный в переносном смысле⁹⁸, существительные *пеньюар* (фр. *peignoir*), странным образом сближенное с синонимом *шлафрок*⁹⁹, *пассаж* (фр. *passage*) в значении «сенсация, неожиданное происшествие»¹⁰⁰ и т. п. Однако галлицизмы, использованные в повести «Село Степанчиково и его обитатели», имеют, так сказать, особую привлекательность: в большинстве случаев они являются не простыми средствами стилистической выразительности, но «словами-разоблачителями», которые вызывают представление о характере, о персонаже или об определенном повороте драмы, развертывающейся перед нашими

⁹⁷ Вот, например, как Мизинчиков рисует изящную жизнь, о которой он мечтает: «Я буду с ней *амурничать*, дарить *сувенирчики*, петь *романсы*, подарю *собачку*, расстанусь с ней романтически и буду вести с ней потом любовную переписку» (стр. 145).

⁹⁸ Аналогичную семантическую эволюцию можно констатировать для следующего, очень редкого неологизма в такой фразе романа «Бедные люди» (1846): «Ратазьев отвечал мне, что я сам предатель, что я *конкетами* [*< фр. conquête >*] разными занимаюсь» (стр. 43). *Конкет(а)*, по-видимому, вышло из салонного жаргона (или комедий?) XVIII в. Другим неологизмом, может быть, еще более редким, в «Бедных людях» является *дюшесса* (*< фр. duchesse >*), употребленное в сочетании *контесса* (*< comtesse >*) — *дюшесса*: «Какая-нибудь там *контесса-дюшесса* узнала бы, ну что бы она-то, душка, сказала?» (стр. 27). *Дюшесс* — название сорта груш (ср. ССРЛЯ, III, 1215).

⁹⁹ Ср. следующее место: «одета она была *наскоро*, в каком-то утреннем *пеньюаре*, или *шлафроке*» (стр. 156).

¹⁰⁰ Согласно словарю Ушакова (III, 60) — «Неожиданное происшествие, странный оборот дела». Примеры из повести Достоевского: «И наконец, как-то они примут весь этот *пассаж*?» (слова Гаврилы, стр. 162); «Бедная и не ожидала поутру, что ее *нещечко* так покойно примет известие о «*пассаже*» с Татьяной Ивановной» (в речи автора, стр. 164); «Не берусь описывать то, что было в первые минуты после такого *пассажа*» (то есть после изгнания Фомы, стр. 170).

глазами. Очевидно, теми же принципами руководствовался Достоевский позднее, употребляя «суггестивные» неологизмы.

Авенантенькая. Это качественное прилагательное, имеющее фамильярный характер, объясняемое как «привлекательная» (франц. *avenante*), выступает как своего рода «слово-фетиш» Разумихина. Рассматриваемое прилагательное отмечено в двух местах: «Я брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантенькая» (стр. 244); «Тут, брат, стыдливость, молчаливость, целомудрие ожесточенное, и при всем этом вздохи, и тает, как воск, так и тает! *Преавенантенькая!*» (стр. 283). Хотя это слово и не зарегистрировано словарями, вполне возможно, что мы имеем здесь дело с пережитком «галантного языка» предшествующей эпохи; второй случай употребления этого слова (когда Разумихин горячо «рекомендует» Зосимову Авдотью Романовну) особенно наглядно вскрывает эмоциональный характер этого слова, снабженного не только суффиксом *-ка* женских имен, но и уменьшительным суффиксом, а также во втором случае — усилительным префиксом.

Семантическая сторона не требует почти никаких замечаний; является очевидным, что французский образец был представлен такими фразами, как следующая у Ж. Санд «*Elle était encore très belle femme et très avenante*» (ср. Robert, I, 360).

Бланбек. На этот раз сам Раскольников превращает данный галлицизм в своего рода «пароль» (*mot d'ordre*) длиной и более или менее театральной тирады. Когда Заметов в беседе с Раскольниковым упоминает о неких московских фальшивомонетчиках, обозначая их словом «мошенники», Раскольников с жаром протестует: «Это? Это дети, *бланбеки* [желторотые], а не мошенники! Целая полсотня людей для этой цели собираются! Разве это возможно?.. А то стоит одному спяну проболтаться, и все прахом пошло! *Бланбеки!*».

Очевидно, автор расценивал *бланбек* как экспрессивное слово, и Раскольников словно зачарован повторением необычного неологизма, который ассоциируется с тайной *idée fixe*.

Бутончик. Это слово, произносимое Свидригайловым в длинном монологе, посвященном его проектам женить-

бы, снова вводит нас в сферу «галантного языка». Словом *бутончик* Свидригайлов обозначает девушку 16 лет (стр. 410). Факт является интересным: *бутон* — относительно недавний неологизм в русском языке (60-е годы XIX в.; ср. ССРЛЯ, I, 707), который Лев Толстой употребляет также в переносном смысле. Зато для уменьшительного *бутончик* в ССРЛЯ не приводится никаких примеров метафорического употребления. Впрочем, создается впечатление, что переносное значение слова *бутон* не восходит далеко в прошлое; может быть, является знаменательным, что словарь Робера отсылает по этому поводу только к выражению, получившему распространение благодаря В. Гюго (I, 543). Ср. *бутон en rose*, сочетание, которое и в современном французском языке имеет аналогичное значение.

Дебатировать. Этот глагол, употребленный Лебезятниковым в едкой и циничной дискуссии о «коммуне», создаваемой где-то возле Сенной, свидетельствует о проникновении элементов политического языка в лексику Достоевского. «*Дебатирован* был в последнее время вопрос: имеет ли право член коммуны входить к другому члену в комнату, к мужчине или к женщине, во всякое время... ну и решено, что имеет...» (стр. 358).

Это слово равным образом заслуживает нашего внимания, так как для слова *дебаты* имеются примеры с 1864 г., но глагол отмечен в ССРЛЯ (I, 624) только цитатой из Куприна и свидетельством Д. Н. Ушакова. Отныне к 60-м гг. можно относить проникновение не только существительного, но и соответствующего ему глагола.

Диссонанс. Выше мы рассмотрели одно из слов, излюбленных Свидригайловым. Он пользуется также и другими неологизмами, в том числе словом *диссонанс* в переносном смысле: «Если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас *диссонанс*, а за ним скандал» (стр. 408). Этот пример заслуживает внимания с лексикографической точки зрения, так как рассматриваемое слово зарегистрировано только после 60-х гг. (Даль; ср. ССРЛЯ, III, 810). Что касается метафорического употребления слова, ССРЛЯ иллюстрирует его также при помощи примера, извлеченного из текста Мамина-Сибиряка.

Журнал. История этого слова является хорошим подтверждением того, насколько необходимо включать даже в современные словари такие значения слов, которые засвидетельствованы писателями-классиками. В шестой главе части II Достоевский приводит диалог двух рабочих-обойщиков, оклеивающих квартиру жертвы. Один из них, который старше другого, говорит о женщине, которая, желая нравиться своему любовнику, «как разодета: *журнал*, просто *журнал!*» (стр. 267). Другой рабочий не понимает иностранного слова и поэтому спрашивает: «А что это, дядюшка, *журнал?*». Первый рабочий показывает, что он имел в виду журнал мод¹⁰¹.

Следует добавить, что, включая фразу «журнал, просто журнал!» в текст романа «Преступление и наказание», Достоевский только повторяет слова, ранее приписанные им Бахчеву (повесть «Село Степанчиково»): «Я тебе о ней и поговорить не хотел вчера, а намерении ошибкой зашел в ее комнату, смотрю, а она одна перед зеркалом руки в боки, экосез выплясывает! Да ведь как разодета: *журнал*, просто *журнал!*» (стр. 157).

До сих пор мы анализировали только заимствования, встречающиеся в речи персонажей Достоевского. Список слов этого рода легко может быть увеличен: характерным «лейтмотивом» драмы является и *драдедамовый* зеленый платок Катерины Ивановны¹⁰², и глагол *манкировать*¹⁰³ «*manquer de respect*», употребленный Мар-

¹⁰¹ «А *журнал*, это есть, братец ты мой, такие картинки, красивые, и идут они сюда к здешним портным каждую субботу, по почте, из заграницы».

¹⁰² Данные ССРЛЯ об этом слове не восходят далее 1841 г. (III, 1084—1085), хотя *дра(н)дедам* известен в русском языке с начала XVIII в. (Смирнов, стр. 111).

¹⁰³ О глаголе *манкировать* — см. Vasmer, II, 96 (без указания, когда слово засвидетельствовано впервые). Контексты, в которых употребляется это слово, позволяют отчетливо выявить его эмоциональный характер; ср. ук. изд., стр. 196, 232. Что касается экспрессивности неологизмов, используемых Достоевским, приведем также следующее наблюдение А. Х. Мищенко: «Многие из этих вновь вошедших слов еще недостаточно ясно осознались и потому зачастую употреблялись невпопад. Так, например, в романе «Подросток» Ф. М. Достоевского девушка, покончившая с собой, оставляет записку, где говорится: «Маменька, милая, прости меня за то, что я прекратила свой жизненный дебют» (ук. соч., стр. 231—232). Впрочем, очевидно, что эта экспрессивность является результатом спе-

меладовым (ук. место), то есть как раз тем персонажем, который в своем падении так мало заслуживает уважения... С другой стороны, в романе имеются такие заимствования, которые служат характеристике не персонажей, а определенной среды, решающего момента, ситуации, туалета,— одним словом, тех внешних деталей, которые всегда играли существенную роль в творческом «видении» Достоевского. Из подобных слов мы напомним только одно, а именно *омбrella* (фр. *ombrelle*). Достоевский неоднократно пользовался этим словом, не учтенным большинством лексикографов¹⁰⁴, и никак нельзя сказать, чтобы слово *омбrella* представляло собой «Luxuslehnwort», так как оно позволяло различать «зонтик от дождя» и «зонтик от солнца» (фр. *parapluie* и *ombrelle*; ср. также нем. *Regenschirm* и *Sonnenschirm*). В повести «Село Степанчиково» одной из наиболее запоминающихся фраз является следующая: «Наконец, Татьяна Ивановна, заметив необыкновенное состояние души своего визави, стала пристально в него всматриваться, потом посмотрела на нас, улыбнулась и вдруг, схватив свою *омбrellку*, працюзно ударила ею слегка господина Бахчеева по плечу» (стр. 161—162).

А вот Соня появляется с аксессуарами своего прустского ремесла, чтобы присутствовать при предсмертной агонии ее отца, «забыв... о необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об *омбrellке*, не нужной ночью, но которую она взяла с собой» (стр. 272). Эта сцена поразила ряд критиков; Труая, например писал: «В шляпке, юбке и с зонтиком уличной девицы она присутствует при агонии своего отца, в комнате, ужасающая бедность которой банальна и открыта любопытству прохожих» («Dostojevskij». Paris, 1940, стр. 169).

14. Излишне говорить о том, что анализ литературных в узком смысле слова текстов должен быть допол-

циональной «организации» большинства ситуаций, описанных великим романистом. Как сказал когда-то Эннекен: «Несомненно, Достоевский не знал о том, какой своеобразной и театральной деформации он подвергает факты действительности» (Ecrivains français, Paris, 1889, стр. 167).

¹⁰⁴ Ср. словари Фасмера, Даля, Павловского, Ушакова, Ожегова и др.

нен систематическим изучением самых различных видов специальной терминологии; в процессе этой работы следует рассмотреть терминологию философии, прессы, политических наук и т. д. В данной области можно уже опираться — укажем в качестве примера лишь два исследования — на материалы, собранные А. И. Ефимовым¹⁰⁵ и А. Х. Мищенко. Но в связи с подобными работами следует выдвинуть по крайней мере три следующих требования:

а) Описательная точка зрения недостаточна для того, чтобы выяснить генезис лексики определенного автора. Необходимо воспользоваться также сравнительным методом, который предполагает сравнение с «языками-источниками» («langues inspiratrices»), а именно — с немецким и французским. В этом отношении нужно без всяких сомнений вступить на путь, проложенный академиком В. В. Виноградовым в его «Очерках»¹⁰⁶.

б) Было бы желательно, чтобы данные, собранные авторами монографий, включались в материалы больших исторических словарей. Для неологизмов *бонапартизм*, *бюрократизм*, *германизм*, *демократизм*, *европеизм* А. Х. Мищенко обнаружил прекрасные примеры в произведениях Герцена; очень жаль, что (за исключением слова *германизм*) ни одно из этих слов не иллюстрировано в ССРЛЯ цитатами из Герцена.

в) Необходимо посвятить ряд отдельных монографий — подобных тем, которые посвящены слову *нигилизм*¹⁰⁷, — научным и политическим неологизмам XIX в. Те, кто направит свои усилия на выполнение этой — часто неблагодарной — задачи, не должны никогда упускать из вида, что данные, извлекаемые из словарей, никоим образом не смогут заменить тех данных, кото-

¹⁰⁵ См. в частности его прекрасную монографию «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» (ср. L. Galdi, «Acta Ling. Hung.», 1955, стр. 236—245).

¹⁰⁶ Ср., например, стр. 160 и сл.

¹⁰⁷ Во французском языке nihiliste существует с 1797 г. (A. Dauzat, Dict. etym., 500), в немецком — с 1799 г. (Vasmer, II, 219). В русском языке слово *нигилизм* засвидетельствовано с 1829 г. (Vasmer, там же). См. М. П. Алексеев. К истории слова «нигилизм». — «Сб. статей в честь акад. А. И. Соколовского». Л., 1928, стр. 413—417; Б. П. Козьмин. Два слова о слове «нигилизм». ИАН ОЛЯ, т. X, вып. 4, 1951, стр. 378—385.

рые будут получены в результате специальных разысканий, проведенных с целью выяснения истории наиболее важных терминов цивилизации.

15. Прежде чем закончить наши замечания относительно литературного употребления некоторых европеизмов в XIX веке, вернемся на некоторое время к рассмотрению лексикографии данной эпохи¹⁰⁸. Анализ материалов на букву *ж* в двух академических словарях (1847 и 1897—1898) позволил нам сделать следующие выводы:

а) В словарях XIX в. находится только незначительная часть слов, засвидетельствованных с эпохи Петра Великого; по указаниям Смирнова (стр. 114—115) только *желе* и *журнал* могут быть причислены к этой группе¹⁰⁹.

Можно отнести ко второй половине XVIII века вхождение слов, которые были допущены в 1803 г. Яновским и которые достаточно хорошо представлены даже в словаре 1847 г. (такие, как *жалюзи*, *жесть*, *жетон* и т. д.). Слова, не включенные Яновским в словарь, но встречающиеся у разных авторов (ср. *жоке*, употребленное Грибоедовым; *жонглер*, 1808 г., и т. д.), укоренялись с большими трудностями. В противоположность пуристским тенденциям словаря 1847 г., составители словаря, начатого в конце века, более точно следовали литературному употреблению; авторитета крупных писателей было достаточно, чтобы допустить такие слова, как *жако*, *жакоб*, *жангильный*, *жардиньерка*, *жестикულიровать* и т. д., несмотря на молчание лексикографов. Следует, впрочем, признать, что составители «Словаря русского языка» (далее — сокращенно: СРЯ) в отношении широты взглядов имели уже достойного современника в лице Даля, который первый отметил современное значение слова *жаргон* (ср. ССРЛЯ, IV, 33), существительное *жуир* (ср. там же, IV, 187) и т. д.

¹⁰⁸ См. выше наши соображения о словаре Вейсманнова.

¹⁰⁹ Данные ССРЛЯ не отражают «древности» этих слов на русской территории: наиболее раннее употребление *желе* относится к 1762 г. (IV, 56), а слова *журнал* — к 1731 г. (IV, 192). Следует еще заметить, что в 1847 г. появляются впервые производные *журналишко* и *журнальчик*, так же как и слова, принадлежащие к той же группе, вроде *журналистика* (ср. ССРЛЯ, IV, 192—193).

б) Достоинством СРЯ является то, что здесь дается очень детальный перечень значений. В этом отношении он нередко превосходит даже современные словари. Чтобы убедиться в этом, можно сравнить хотя бы словарные статьи на *жирандоль* в СРЯ и ССРЛЯ.

в) В СРЯ часто приводятся такие данные и литературные цитаты, которые мы напрасно бы стали искать в ССРЛЯ. Ограничимся лишь одним примером. Так, небезынтересно узнать, что существительное *жуир* встречается не только у Тургенева и Салтыкова-Щедрина (ССРЛЯ, IV, 187), но также и у Достоевского (СРЯ, II, 606)¹¹⁰ и что *журнальчик* (ср. ССРЛЯ, IV, 193) встречается также и в переписке Тургенева (СРЯ, II, 622). Для слова *жонкиль* (фр. *jonquille*) данные ССРЛЯ восходят только к словарю Даля (IV, 183), однако, судя по материалу, приводимому в СРЯ под словом *жонкильный*, это прилагательное было распространено по крайней мере с конца XVIII века, так как оно находится в словаре кулинарной терминологии 1795 года. Ср. обозначение *жонкильный консерв, леденец, жонкильное мороженое*, приводимые в СРЯ (II, 591) из этого издания («Словарь поваренный, приспесничий, кандиторский и дистилляторский», 1795). Было бы очень желательно, чтобы «редкостям» подобного рода и в новом словаре было отведено подобающее им место.

г) Некоторые производные несправедливо забыты. Вообще ССРЛЯ беднее в этом отношении, чем СРЯ. Естественно, мы мало сожалеем о том, что опущены такие слова, как *жуирование* (ни одного примера), *жуировка* (пример 1863 года) и *жуирство* (один пример, ср. СРЯ, II, 605—606), но мы не совсем понимаем, почему нужно было предать забвению даже такое производное, как *журнальщик* «издатель литературного жур-

¹¹⁰ Как кажется, здесь перед нами форма, возникшая на русской территории. Вероятнее предполагать не переход одной грамматической категории в другую (*jouir* — глагол, *жуир* — существительное), а заимствование слова *jouir* в форме *жуировать* и возникновение позднее существительного *жуир* в результате ложного «отгалкивания». Авторы СРЯ и ССРЛЯ, по-видимому, предполагали нечто аналогичное, так как они ограничиваются установлением происхождения глагола, ничего не говоря о происхождении существительного.

нала», несмотря на то что это слово встречается в перепишке (Пушкина?)¹¹¹.

д) Некоторые из неологизмов, отмечаемые в СРЯ, отсутствуют в новейших трудах. Несмотря на то что мы просмотрели с этой точки зрения сравнительно очень незначительную часть СРЯ, мы обнаружили, по крайней мере, десяток слов, которые отсутствуют в современных словарях. Сюда относятся названия материи, такие, как *жаконет*¹¹², названия драгоценных камней, как *жаргон*¹¹³ и *жиразол*¹¹⁴, технические термины, как *жетэ*¹¹⁵, название разновидности картофеля *жозефина*¹¹⁶, бранное слово *жокрис*¹¹⁷ и даже кулинарный термин, а именно слово *жюс*¹¹⁸. Это краткое перечис-

¹¹¹ «Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашиков, журнальчиков и прочих щепетильных литературщиков».

¹¹² Согласно СРЯ (II, 190), это «тонкая бумажная ткань из пряжи». Словарь сближает его с нем. *Jasconett* и фр. *jasconet*, но последнее слово нам представляется сомнительным, ср. скорее *jaconas* «éttoffe fine en coton d'un tissu peu dégré» (Littré, III, 163).

¹¹³ Слово *жаргон* как обозначение драгоценного камня засвидетельствовано с 1847 г. (Словарь Академии); по СРЯ (II, 220—221); «Цейлонский жаргон — разновидность циркона, *гиацинта*. Ср. *Jargon*... Très petite pierre d'Auvergne qu'on donnait pour l'hyacinthe» (Quillet, 3054).

¹¹⁴ В 1847 г. *жиразоль* рассматривался как название одной из разновидностей опала. В 1898 г. выделяются 3 значения: 1. Минерал из халцедонов, млечного цвета с огненным отливом; 2. Также итальянское название опала; 3. Восточный жиразоль — минерал, разновидность прозрачного стекловидного или благородного корунда, бледный сапфир, бледный рубин». Со значениями 2-м и 3-м ср.: «La corindon girasol des minéralogistes est une pierre fine, de la nature des opales, mais moins bien douée en qualités éclatantes» (De Laborde, цитируется у Литтрэ, II, 1873).

¹¹⁵ Согласно СРЯ (II, 405), *жетэ* употреблялось в двух значениях; «1. Искусственно возводимые боковые стенки, суживающие устье реки и увеличивающие скорость течения; 2. Танцевальное па». СРЯ пытается объяснить оба значения из фр. *jettée* (!); однако в действительности *жетэ* (1) идентично с *jetée*, а источник *жетэ* (2) следует искать в хореографическом термине *jeté* «па в танце».

¹¹⁶ СРЯ почерпнул это слово из издания Академического словаря 1867 г. Надежной этимологии нет; восходит ли это слово к имени императрицы Жозефины?

¹¹⁷ Принимая во внимание, что, согласно указаниям СРЯ (II, 590), это слово было употреблено в общеизвестном произведении («Помпадуры и помпадури»), отсутствие его в ССРЛЯ является почти необъяснимым.

¹¹⁸ Это слово засвидетельствовано с 1795 г. упоминавшимся выше словарем кулинарных терминов.

ление, я полагаю, дает нам право, утверждать, что ни один из современных словарей не может служить базой для исследования французских элементов в русском языке; для этого необходимо исчерпывающее обследование памятников¹¹⁹.

16. Когда мы подходим к XX в., перед нами встает ряд проблем, которые в настоящее время вырисовываются перед исследователями гораздо менее отчетливо, чем те задачи, которые вытекали из изучения двух предшествующих столетий. В общих чертах нужно будет рассмотреть, в какой степени неологизмы западноевропейского происхождения участвовали в развитии русского литературного языка до и после 1917 г.¹²⁰ и в какой степени можно говорить и для нашего века о пережитках таких характерных тенденций, как употребление экспрессивных неологизмов. Следовало бы установить определенные различия в зависимости от литературных жанров и даже наиболее выдающихся личностей. Ограничимся одним примером; так, не исключено, что в некоторых произведениях Маяковского встречается что-то такое, что напоминает культ звонкого и красочного неологизма у многих западных поэтов¹²¹.

¹¹⁹ Ср. выше аналогичные требования акад. В. В. Виноградова.

¹²⁰ Мы имеем в виду также и статистические подсчеты: нужно установить, с одной стороны, быстрое исчезновение значительного количества заимствованных слов (что становится очевидным также из сравнения больших словарей, как СРЯ, словарь Ушакова и ССРЛЯ), с другой стороны — вхождение ряда новых заимствований, что объясняется изменением политической терминологии, прогрессом наук и т. д. Нужно заметить, что в XX в. значительную часть заимствований представляют слова, имеющие более или менее книжный характер; вследствие изменения социальных условий «галломанский» характер разговорной речи утратился почти полностью. Тем не менее Маяковский, например, еще пользуется иногда французскими выражениями, вставляя их в свой поэтический текст (ср. *entre nous* в стихотворении «Юбилейное» и т. д.).

¹²¹ Вот несколько примеров такого рода:

Обрыв

от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.

Обрыв и край —

это гроб и Ленин,

а дальше —

коммуна

во весь горизонт. («Владимир Ильич Ленин»)

Может быть, будет не лишним отметить в этой связи два метода изучения специальной лексики XX века, в том числе и заимствований западного происхождения. Первый метод, против принятия которого мы бы хотели решительно предостеречь будущих исследователей, может быть иллюстрирован при помощи цитаты, извлеченной из одного недавно вышедшего руководства по истории русского языка¹²². «Analysis of the vocabulary acquired during the 1917 revolution shows that the new words fall into the following types: (I) old words with specialised meanings (e. g. класс 'class', фронт 'front', товарищ 'comrade'); (II) West European loans (e. g. интервенция, 'intervention', спекулянт 'speculator', милиционер 'policeman'); (III) loan-translations (e. g. сознательный fr. conscient); (IV) contractions (e. g. коминтерн 'Comintern', специалист 'specialist', политрук 'political officer'); and (V) slang (e. g. стенолез 'vodka', самовоз 'mator-car', шамать 'to gorge').» Очевидно, никто не станет оспаривать правильности указания на аббревиатуры¹²³ и на арготические слова, которые, по крайней мере в определенных случаях и в определенных стилистических пластах, получили после 1917 г. реальное распространение; но можно ли связывать с лексикой, приобретенной после Октябрьской революции, также и слова, включенные автором в первые три группы? Позволим себе напомнить по этому поводу, что слово *класс* как социальный и политический термин не было еще отражено в словаре Даля¹²⁴, но, безусловно, существовало, по крайней мере со второй половины XIX в.¹²⁵.

¹²² См. W. K. Matthews. The Structure and Development of Russian, Cambridge, 1953, стр. 171.

¹²³ При условии признания того, что оба вида аббревиатур (буквенные и слоговые) представляют собой явления, по существу предшествующие 1917 году. О наиболее ранних следах подобного образования слов см.: А. Мазон. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920, стр. 1—12.

¹²⁴ Что касается различных значений слова *класс*, то во втором издании этого словаря мы находим только то значение, которое относится к административной иерархии царского режима: «Чины в России распределены на 14 классов» (II, 114).

¹²⁵ Ср. формулировку из «Проекта программы русских социал-демократов», изданного группой «Освобождение труда» в 1885 г., — «захват рабочим *классом* политической власти» (В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 212; курсив мой. — Л. Г.).

В настоящее время мы можем установить точную хронологию вхождения слова *интервенция*; напротив, достоверно, что слово *сознательный* не может быть отделено от слова *сознание*, которое существовало, по крайней мере, с середины XIX в. (ср. лат. *conscientia*, фр. *conscience*, и т. д.)¹²⁶.

Приведенная нами цитата хорошо показывает, что очень опасно стремиться — несмотря на отсутствие заслуживающей доверия документации — отнести к эпохе Октябрьской революции слова, которые (в соответствии со свидетельством наших источников) проникли в русский язык в предшествующее время. Нужно искать, следовательно, более надежные приемы, которыми можно было бы руководствоваться в предстоящих разысканиях в этой области; мы нашли их в указанной выше работе А. Мазона (к сожалению слишком суммарной)¹²⁷. Примеры, которые там приводятся, свидетельствуют о тщательном обследовании большого числа текстов, среди которых газеты, вышедшие во время пребывания А. Мазона в СССР (1917 год и первые недели 1919 года) играют первостепенную роль. В отношении заимствованных слов наблюдения А. Мазона имеют тем большее значение, что они позволяют вывести некоторые общие принципы. Мы должны, например, присоединиться целиком к утверждению А. Мазона, что существует «значительное количество слов, несомненно бывших уже известными, по крайней мере, образованным людям», слов, которые в 1917 году «ждали того, чтобы быть утвержденными «всеобщим употреблением» (*l'usage commun*) или, по крайней мере, более широким употреблением; и именно революция способствовала их распространению (*les a popularisées*)» (стр. 13). А. Мазон применяет этот принцип ко многим словам латинского и немецкого, а также француз-

¹²⁶ Пример из поэзии Некрасова см. у Ушакова (IV, 359). Несомненно, Фасмер (II, 687) прав, когда он рассматривает это слово как образование по образцу лат. *conscientia*, а не нем. *Gewissen* (как это делает Б. Унбегаун — RES, XII, стр. 39).

¹²⁷ К сожалению, нам не пришлось ознакомиться с работой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» (2-е изд., М., 1928).

ского происхождения, ср. *мародер*¹²⁸, *буржуй*¹²⁹, *Антанта* и т. д. (стр. 15—16). Приходится сожалеть, что в некоторых случаях наблюдения автора не подкреплены никаким письменным свидетельством. Возможно, в этом причина того, что форма *аллюра* (вариант слова *аллюр*), несмотря на сообщение французского автора¹³⁰, не была включена в соответствующую словарную статью ССРЛЯ (I, 97). В отношении словообразования указанная работа содержит также большое количество ценных наблюдений. Среди данных, собранных Мазоном, мы находим, например, не только *большевик*, но и *большеви́ст* (стр. 26), то есть форму, которую мы напрасно бы стали искать в ССРЛЯ (I, 559—560), хотя на ее основе и было образовано прилагательное (ССРЛЯ, I, 560) и в 1917 году она проникла во французский язык (ср. *bolchéviste*)¹³¹.

В результате нужно признать, что методы, которых следует придерживаться при исследовании текстов XX в., не могут отличаться от тех, которые были рекомендованы многими исследователями в отношении предыдущих эпох. Существенная задача состоит в том, чтобы рассмотреть «употребление» (*usage*) во всех формах его проявления; колебания, которые могут быть обнаружены, вскрывают некоторые стороны внутренней жизни того организма, которым является грамматическая и лексическая структура живого языка.

¹²⁸ По Мазону, «вхождение в русский язык [этого слова], кажется, может быть отнесено к эпохе войн Революции и Империи» (стр. 15), но мы уже видели выше, что примеры на употребление этого слова имеются с 1760 г.

¹²⁹ О последнем см. справедливые замечания А. Лиронделя («*Le Monde slave*», II, стр. 320—325).

¹³⁰ Ср. на стр. 16: «Наряду с *аллюр*, словом мужского рода, заимствованным в давнее время кавалеристами и коннозаводчиками в значении «аллюр лошади», [существует] форма женского рода *аллюра* в значении французского «*allure*», которую употребляют те большевистские писатели, манера которых является более интернациональной, чем собственно русской».

¹³¹ Принимая во внимание, что формы *большинствист*, *большеви́ст*, согласно Мазону, существовали в русском языке с 1903 г., следует уточнить замечания А. Доза об отношении французских форм *bolchévik* — *bolchéviste*; по его мнению, вторая является «ассимилированным» вариантом первой (*Dict. étym.*, 96). Это совсем не так: обе формы исходят непосредственно из русского.

1. До сих пор мы рассматривали, за немногими исключениями, только «единую или стандартизованную форму», допускаемую литературным языком, не обращая внимания на варианты. Однако исследователь заимствований романского происхождения в русском языке должен предпринять также изучение вариантов, которые во многих случаях являются не просто графическими вариантами¹³², а реальными формами, свидетельствующими или о неполной ассимиляции иноязычного слова, или о фонетическом сопротивлении воспринимавшей среды. Это является второй задачей исследования, которую мы хотели бы кратко наметить. Мы не будем пока касаться также и «этимологических дублетов», то есть случаев, когда различие в звучании двух очень схожих форм (например, *акведук* и *акведукт*, ср. ССРЛЯ, I, 75) объясняется двойным заимствованием (об этом см. ниже).

2. Что касается относительно новых (имеются в виду главным образом заимствования XIX и XX вв.) дублетов литературного языка, их регистрация производится вообще довольно удовлетворительно. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть заметки в ССРЛЯ. Там мы находим, например, *амулетта* (1835), вариант слова *амулет* (I, 121); *анатомія* (1780), вариант слова *анатомия* (I, 134); *анемія* (Даль), вариант слова *анемия* (I, 141—142); *антреша* (1803), вариант слова *антраша* (I, 157); *апартамент* (1780), вариант слова *апартамент* (I, 161). Очевидно, что имеются и пробелы, но они объясняются в большинстве случаев тем, что были использованы не все данные, разбросанные по самым различным монографиям. Мы указали уже один случай такого рода: пропуск составителями ССРЛЯ слова *аллюра* (вариант слова *аллюр*) (I, 16). Однако это не единичный случай, он находится в ряду дублетов типа *авантюр* — *авантюра* (ср. ССРЛЯ,

¹³² В дальнейшем мы не будем обращать внимания на чисто графические варианты, как, например, *канопе* (вместо *канопе* < фр. *canapé*) в одном тексте, имеющем просторечный характер и составленном около 1750 г. (ср. «Хрестоматия по истории СССР», II, стр. 229).

I, 27)¹³³. Еще более ощутимы пропуски, наличие которых выявляется в результате чтения писателей-классиков. Небезынтересно отметить, например, слово *елистратишка*, простонародный вариант слова *регистратор* (Vasmer, II, 502; Преображенский, II, 193; слово засвидетельствовано с начала XVIII в., ср. Смирнов, стр. 255), так как эта форма (не зарегистрированная лексикографами) встречается в «Ревизоре» Гоголя, а именно в знаменитом монологе Осипа (д. II, явл. 1), давшем нам уже прекрасный пример употребления прилагательного *галантерейный*: «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь *елистратишка* простой».

Что касается *полица*, простонародного варианта слова *полицья*, то оно засвидетельствовано словами служанки, обращенными к Раскольникову: «Прасковья-то Павловна в *полицу* на тебя хочет жалиться» (цит. изд., стр. 20).

В отношении XVIII в. пополнить словари материалом подобного рода еще легче. Достаточно будет напомнить здесь об одном лишь факте. По ССРЛЯ (V, 206) слово *ас(с)амблея* не дает никаких значительных вариантов. В действительности же было бы небесполезно принять во внимание также такие формы, как *осамлея*, *осомлея* (без -б-!), которые были обнаружены уже Христиани (стр. 48) в бумагах князя Куракина (1705 г.; ср. также Vasmer, I, 30).

3. Очень неравномерно зарегистрированы в настоящее время простонародные варианты заимствований романского происхождения. Наши требования в этом отношении и не могут идти слишком далеко, так как понятие «русского литературного языка» никак не охватывает лексику простонародного характера и, тем более, диалектную лексику. Тем не менее было бы весьма интересно выяснить, в какой мере заимствованные слова романского происхождения проникли в народную речь и какие фонетические изменения они претерпели в ней. Судя по вариантам, собранным Далем

¹³³ Другой формой, более «французской», чем современная, является *авантюрерка* (употребленная Тургеневым; ср. фр. aventure) вместо *авантюристка*.

и, в особенности, Фасмером, здесь многочисленны случаи апокопы (*авантаж* > *вантаж*, Vasmer, I, 3)¹³⁴, ассимиляции (*плезир* > *плизир*, Vasmer, II, 368)¹³⁵, диссимиляция (*регистратор* > *елистра-тишка*, см. выше); *роброн* > *лаброн*), контаминации (*серьезный* < *суровый* > *сурьезный*), Vasmer, II, 506), народной этимологии (*нажимация* [*< имажинация*], см. ИАН ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 47).

4. Теперь остановимся подробнее на дублетах некоторых глаголов романского происхождения. Современные словари, если ограничиться только ими, часто не дают никакого ответа на вопросы, возникающие по этому поводу. Возьмем случай с *авансировать* — *аванжировать*. Фасмер отметил только *авансировать* «'Fortschritte machen, vorrücken, vorschiesen' aus frz. *avancer*, evtl. über nhd. *avancieren*» (I, 3); даже ССРЛЯ (I, 26) довольствуется только формой *авансировать*, объясняя его, во-первых, как переходный глагол в значении «делать аванс, снабжать кого, что-нибудь деньгами вперед», во-вторых, как непереходный глагол (устаревший) в значении: «а) идти вперед; б) успевать в повышении по службе». Совсем иная картина вырисовывается из материала Смирнова; согласно этому материалу, *аванжировать*, заимствованное из немецкого (*avancieren*), употреблялось в эпоху Петра Велико-го как переходный глагол со значением «производить в чин», в то время как *авансировать*, происходящее также из немецкого *avancieren*, было непереходным глаголом и имело значение «двигаться вперед» (ср. «Неприятеля далее *авансировать* не допустили» — «Журнал Петра Великого», I, стр. 21, ссылка на этот же пример — ССРЛЯ, ук. место). Очевидно, что различия между старыми и современными данными очень значительны; перед будущими исследователями встает задача уточнить на основе привлечения, насколько это возможно, обильного материала: а) когда *аванжиро-вать* вышло из употребления; б) когда *авансировать*, одновременно с введением слова *аванс*, в качестве фи-

¹³⁴ Остается выяснить, не отражает ли *вантаж* скорее *vantaggio*.

¹³⁵ См. выражение *для плезиру* у Достоевского.

нансового термина, приняло значение «выдать аванс кому-либо», и, наконец, в) с какого времени непереходный глагол засвидетельствован не только в конкретном значении, но и в переносном «успевать в повышении на службе» (ср. фр. *avancer* «obtenir de l'avancement», Robert, I, 352, с ссылкой на «Dictionnaire de l'Académie»).

Что касается звука *-ж-*, он должен быть объяснен так же, как аналогичный звук венгерского *avanzsiroz* (и даже *ávándzsiroz*) и более нового *avanzsál* (по образцу глаголов на *-ál*). Согласно этимологическому словарю Гомбоца и Мелиха (Et. Sz., I, 181), эти формы должны быть возведены к таким вариантам глагола *avancierren*, как австрийские *avanschieren*, *avangieren* (варианты, возникшие под влиянием глаголов типа *derangieren*, *changieren* и т. д.).

5. Как следует из разобранных выше примера, имеются случаи, когда возникновение дублетов объясняется не воздействием воспринимающей среды, а этимологией данного заимствования. Остается, следовательно, рассмотреть некоторые из этих этимологических дублетов. Начнем со случая, который может служить образцом для исследований подобного рода. Фасмер очень хорошо объяснил (II, 342), каким образом возникла «триада» *перл-перло* (с 1646 года) — *перла* (диалектная форма); по его мнению, «das Masc. stammt aus frz. *perle* das Fem. aus nhd. *Perle*, das Neutr. soll nach Brandt REV, 23, 294 beeinflusst sein durch Bildungen wie *било*, *мяло*, *сало*». Было бы желательным, чтобы подобные замечания разъяснили историю всех слов, «полиморфия» которых является результатом «сложной (multiple) этимологии» (по терминологии румынского академика А. Граура)¹³⁶.

Целый ряд проблем возникает в связи со словами, оканчивающимися как на *-ия*, так и на *-ион*. По мнению Фасмера (см. II, 310, 334), *пенсия* происходит из латинского *pensio*, при посредничестве польского *penzja*, *пенсион* — из нем. *Pension* и *пансион* (в значении «Erziehungsanstalt») «über nhd. *Pension* oder aus frz. *pension* von lat. *pensio*, *-onem* 'Zahlung, Rate'».

¹³⁶ О понятии «сложная этимология» см. Al. Graur. *Studii si Cercetari Linguistici*, I, (1950), стр. 22.

Это объяснение имеет тот недостаток, что несколько недооценивает фонетическое и семантическое различия, которые имеются между *pension* и *pansion*: учитывая разницу в вокализме, мы бы предпочли допустить, что *пенсион* в качестве синонима слова *пенсия* происходит скорее из нем. *Pension*, а *пансион* (с *-a-* в первом слоге) отражает скорее фонетический облик соответствующего французского термина. История культуры свидетельствует в пользу этого предположения; впрочем, не следует упускать из виду то обстоятельство, что в XVIII веке само немецкое слово *Pension* (как возможный источник русского *пансион*) могло произноситься с *-a-*, а не с *-e-*.

Что касается слова *декларация*, то его объяснение через лат. *declarare* (ССРЛЯ, III, 662) вряд ли удовлетворительно; его лучше выводить (ср. Смирнов, стр. 100; Vasmer, I, 337) из польск. *deklaracja*, которое в свою очередь восходит к лат. *deklaratio*. Согласно ССРЛЯ, русское *декларация* имело в прошлом и значение «объяснение в любви»; в этой связи не лишне добавить (ср. Фасмер, ук. место), что в этом значении в XVIII веке было известно также *декларасион* (<фр. *declaration*).

Мы отмечали уже случай со словом *акведук*, которое в 1803 г. было представлено двумя формами, а именно *акведук* и *акведу́к* (Яновский). ССРЛЯ (I, 72) снова ограничивается отсылкой к латинскому прототипу (*aquaeductus*), пренебрегая указанием на посредствующие формы. Несмотря на это, ясно, что *акведук* происходит от французского *aqueduc*, а *акведу́к* соответствует немецкому *Aquädukt*¹³⁷.

В ряде случаев варианты одного и того же слова вошли в русский язык из греческого и французского: в этой группе мы должны поместить *акант* и *аканф*. ССРЛЯ отсылает только к греческому *ἄκανθος* (I, 10); тем не менее следует учитывать также и насаивание французского *acanthé* (по-немецки скорее сказали бы *Akanthus*).

Имеются также случаи, где дублеты различаются

¹³⁷ По Фасмеру: «über nhd. *Aquädukt*, oder direkt aus lat. *aquaeductus*» (I, 8).

разной трактовкой интервокальной группы *-sp-* и *-st-* (*сп, ст* или *шп, шт*). Отметим в этой связи *пашпорт* (и даже *пачпорт*) и *паспорт*: первая форма объясняется польским *paszport*, а вторая или голландским *paspoort* или французским *passport* (Vasmer, II, 321). Во всяком случае, формы с *-sp-* издавна существует в русском языке: к примерам, указанным Смирновым (стр. 221), добавим факт, извлекаемый из словаря Вейсманнова (*паспорт*, 463, под словом *Passbrief*). Аналогичный случай представляют дублиеты *паштет* (простонар. *пашкет*) и *пастет* (зарегистрировано уже Вейсманновым, 463); является очевидным, что первая форма отражает польск. *pasztet*, а вторая — скорее немецк. *Pastete* (произносимое уже с *-шт-*, а не с *-ст-*!).

IV

1. Совершенно очевидно, что исследование заимствованных слов основывается, прежде всего, на доброкачественных этимологиях; это положение не может быть отодвинуто на второй план ни проблемами исследования текстов, ни регистрацией вариантов. Поэтому желательно, чтобы слова романского происхождения в русском языке (так же, как и все слова западного происхождения) были подвергнуты двойному освещению: с одной стороны, нужно использовать инструментарий романского языкознания, то есть лингвистическую документацию, относящуюся к языкам-источникам; с другой стороны — необходимо очень широко опираться на историю русского языка и русской культуры, чтобы выяснить привнесенное воспринимающей средой (то есть заимствующим языком).

2. В настоящей главе мы рассмотрим с точки зрения их этимологий только три источника: ССРЛЯ (в котором этимология играет довольно подчиненную роль), одно из последних изданий «Словаря иностранных слов» (1949) И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (в дальнейшем обозначаемого нами сокращенно СИС) и этимологический словарь Фасмера, который в отношении романских этимологий опирается на данные трех словарей (Meyer-Lübke, Dauzat и Gamillscheg). На ос-

нове материала из перечисленных трудов мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

а) Насколько современные словари дают точную (а не приблизительную) этимологию заимствований?

б) Насколько учитывается распространение слова в различных романских, а также других европейских языках?

в) Насколько выясняются детали фонетических соответствий?

г) Насколько точно очерчивается семантическая сфера слова в языке-источнике и в заимствующем языке?

Две другие проблемы — продуктивность «корней» и суффиксов романского происхождения — выходят за рамки настоящей работы, имеющей предварительный характер.

3. Прежде чем ответить на первый вопрос, мы должны решительно устранить из области собственно этимологических разысканий те объяснительные комментарии, которые, вместо того чтобы отсылать к прямому источнику слова, ограничиваются указанием «элементов» (греческих или латинских), используемых для образования данного слова. Возьмем научный термин *аграфия*. Чтобы объяснить его происхождение, недостаточно сказать, что это слово образовалось из греческих $\alpha\gamma\rho\phi\omega$ и $\gamma\rho\phi\omega$ — 'я пишу' (ССРЛЯ, I, 47). Необходимо добавить, что существует ряд современных языков, где аналогичные слова (ср. фр. *agraphie* и т. д.) употребляются в качестве научных терминов. Если мы ограничимся указанием на «элементы», мы рискуем создать у читателя, не посвященного в филологию, ложное впечатление, что термин *аграфия* при помощи вышеупомянутых греческих «элементов» был создан в русском языке. Можно было бы сделать подобные же замечания в отношении трактовки целого ряда слов: ср. *автобиография* (и *биография*)¹³⁸, *автогенный*, *автоклав*, *автократия* (ССРЛЯ, I, 33—34). Во всех этих случаях разложение на компоненты ни в коей мере не может заменить этимологии в собственном смысле

¹³⁸ *Biographie* и *biographe* засвидетельствованы во французском с 1721 г.

Правильным методом объяснения в подобных случаях является тот, который дал возможность авторам ССРЛЯ поместить при слове *автожир* следующий комментарий¹³⁹: «Ср. фр. *autogyre*, от греч. *αὐτός* [sic.] — сам и *κύρος* [sic!] — круг» (ССРЛЯ, I, 33)¹⁴⁰.

4. Не менее важным является рассмотрение производных, которым уделено слишком мало места в этимологических словарях русского языка. Не только каждое слово, но и каждое производное имеет свою историю; следовательно, нужно стремиться объяснять производные так же точно, как и «корневые» слова. Одна из задач этимологических разысканий — проводить точное разграничение между производными, возникшими в иноязычной среде, и теми, которые возникли на русской территории. До сих пор это делалось не всегда. Несомненно, в некоторых случаях современная система суффиксации может легко ввести в заблуждение «лингвистическое чутье»; именно поэтому исследование с дескриптивной точки зрения должно быть дополнено выводами, которые получены в результате сравнительного изучения истории суффикса.

Чтобы иллюстрировать это положение, мы возьмем не лексикографический труд, а «Граматику русского языка» (т. I. Фонетика и морфология. М., 1952).

В этой грамматике, несмотря на некоторые теоретические указания, производные слова, возникшие на русской территории, не всегда тщательно отделяются от производных, заимствованных из других языков. Возьмем суффикс *-изм* (§ 419); очевидно, никто не сомневается в русском происхождении слов *большевизм*, *ленинизм* и т. д., но бесспорно, что *демократизм* и *авантюризм* неотделимы от французских *démocratisme*, *avanturisme* и что *идеализм*, *материализм*, *империализм*, *капитализм*, *социализм*, *автомобилизм*, *ту-*

¹³⁹ Отвлекаясь от опечаток, которые исказили греческие слова.

¹⁴⁰ По той же причине многие из этимологий Ушакова должны быть также пересмотрены; очевидно, что *ореол* происходит не от латинского *auraeolus* (Ушаков, II, 849), а от фр. *auréole* (ср. СИС, 462), так же, как и *орден* не может быть объяснен латинским *ordo* (II, 847); *олеография* (II, 801) заимствовано из фр. *oléographie*, и т. д.

*ризм, пуризм, оптимизм, пессимизм*¹⁴¹ являются европейскими словами, то есть словами заимствованными, хронология которых должна быть установлена в интернациональном плане¹⁴². Для этого необходимо обследование большого количества текстов. Пока многие из хронологических указаний внушают нам недоверие; так, например, слово *демократизм*, если верить ССРЛЯ (III, 691), засвидетельствовано только с 1934 г. (Ушаков). Хронология соответствующих данных французского языка, то есть одного из языков-источников, разработана намного лучше. Приведем на основе этимологического словаря Блока и Вартбурга некоторые даты для соответствующих французских слов: *idéalisme* — 1752; *matérialisme* — 1748; *impérialisme* — 1880, заимствовано из английского; *socialisme* — XVIII в., затем появилось вновь около 1830 г.; *automobilisme* — начало XX в.; *tourisme* — 1841; *purisme* — 1680; *optimisme* — 1752; *pessimisme* — 1823. Эти даты, хотя и среди них есть некоторые пробелы¹⁴³, в высшей степени знаменательны; почти каждая из них напоминает нам о поворотном моменте европейской мысли. Этимологические разыскания достигнут своей настоящей цели тогда, когда они смогут влиться в общую историю культуры.

Естественно, можно сделать аналогичные замечания относительно целого ряда других суффиксов, в первую очередь суффикса *-ист*, истории которого в русском языке мы уже касались¹⁴⁴. Было бы желательным, чтобы на стр. 301 «Грамматики русского языка», где речь идет о распространенности суффикса *-ист* в современном

¹⁴¹ В соответствии с этой моделью в русском языке было образовано также слово *планеризм* (равным образом приводимое в той же грамматике).

¹⁴² В ряде случаев СИС дает более точные сведения: там признается французское происхождение слов *авантюрист, идеализм, автомобилизм, туризм* и т. д., однако в некоторых случаях и авторы СИС пренебрегают посредствующими формами; ср. под словами *пуризм, оптимизм*.

¹⁴³ А. Доза ничего не говорит о первом упоминании слова *féodalisme* и др.

¹⁴⁴ См. «Acta Ling. Hung.», 1955, стр. 242, где мы пытались показать, что, например, слово *романист* восходит к устаревшему значению французского *romaniste*, что позволяет нам устранить звездочку, которой даже Фасмер счел необходимым снабдить слово *romaniste* (II, 534).

языке, русские производные более последовательно отграничивались от производных западного происхождения; другими словами, хотелось бы видеть в первой группе — ограничиваясь примерами «Грамматики» — *генштабист*, *значкист*, *очеркист*, *связист* и т. д., а во второй — *акварелист* (1891, фр. aquareliste — 1829 г.), *велосипедист* (1891, фр. vélocipédiste — 1868 г.), *журналист* (1803, фр. journaliste — 1704 г.), *карикатурист* (фр. caricaturiste — 1849 г.), *портретист* (фр. portraitiste — 1721 г.) и т. д. Точно так же не является русским производным ни *анархист* (1847, фр. anarchiste — 1791 г.), ни *анархизм* (слово, которое ССРЛЯ определенно приписывает Прудону)¹⁴⁵.

Вообще русская суффиксация ждет еще своего исследователя. Можно с уверенностью сказать, что подобные разыскания дадут много ценного как для этимологических словарей, так и для описательных грамматик, в которых анализ, основанный на лингвистическом чутье, должен сопровождаться исторической документацией¹⁴⁶.

5. Наш второй вопрос — насколько в предыдущих работах учитывается история того или иного слова в различных европейских языках, слова, которое неред-

¹⁴⁵ «Слово «анархизм» входит в употребление со времени Прудона (1809—1864)» (ССРЛЯ, I, 132). А. Доза не уточняет время появления французского anarchisme.

¹⁴⁶ В большинстве случаев этимологические указания ССРЛЯ настолько суммарны, что они не охватывают производных. Ведь если бы только слово *велосипед* было заимствовано из французского языка (ССРЛЯ, II, 152) то слово *велосипедист* было бы производным, действительно возникшим в России. Но это не так. Точно так же обстоит дело со словом *академизм*, которое ССРЛЯ не отделяет от слова *академия* (I, 69—70). Положение начинает как будто улучшаться с четвертого тома: слово *жандарм* производится уже от фр. gendarme, а *жандармерия* — от фр. gendarmerie (IV, 27—28). Но *жанрист* оставлено еще без этимологии (IV, 28—29), между тем это заимствование из французского (ср. genriste). См. также *желатин* (IV, 54), слово, которое также оставлено без этимологии, хотя авторы IV тома ССРЛЯ, появившегося в 1955 году, могли бы уже воспользоваться словарем Фасмера (1951), согласно которому *желатин* происходит от фр. gélatine (I, 414). Имеются также словарные статьи, свидетельствующие о полном игнорировании посредствующих форм; ср., например, *жираф(a)* (IV, 158; см. Vasmer, I, 426, где имеются указания на фр. girafe, нем. Giraffe, итал. giraffe и т. д.).

ко после длительного путешествия, проникло также и в русский, — имеет первостепенное значение для будущих исследователей. Точно так же, как невозможно возводить русские слова непосредственно к греческим или латинским «элементам», из которых они составлены, так же совершенно недопустимо указывать только на связь между французским (или итальянским, испанским и др.) словом и русским, упуская из виду все другие возможности этимологии. Укажем в этой связи на две противоположные тенденции: это, с одной стороны, позиция Фасмера, которая в очень многих случаях характеризуется, может быть, слишком осторожным отношением к этимологии слова, и, с другой стороны, — установка ССРЛЯ, часто пренебрегающего не только этимологией производных, но и посредствующими формами (немецкими, польскими и др.), которые наложили свой отпечаток на фонетический и семантический облик слов, вошедших в русский язык. Чтобы показать различие в методе этих лексикографов, рассмотрим несколько слов, начинающихся на *б*, приведенных в ССРЛЯ и в этимологическом словаре Фасмера (в некоторых случаях мы принимали во внимание также этимологический словарь Преображенского).

Прежде всего, оставим в стороне те слова (*багета*, *бандаж*, *барьер* и под.), в истолковании которых нет расхождения между этими двумя словарями, — оба они указывают в этих случаях на французское происхождение слова. Однако имеется значительно большее количество слов, относительно которых Фасмер указывает три возможных объяснения, в то время как в ССРЛЯ предлагается только одно. В словарной статье под словом *багаж* ССРЛЯ ограничивается ссылкой на фр. *bagage* (I, 237), в то время как Фасмер высказывается более осторожно: «Entlehnt aus frz. *bagage*, bzw. nhd. *Bagage*...» (I, 36). О слове *база* ССРЛЯ лаконично замечает: «франц. *base*, греч. $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ » (I, 242). Фасмер же дает следующее объяснение: «Über nhd. *Bas* oder frz. *base* aus lat. *basis*, griech. $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ » (I, 39). И рассмотрим словарные статьи, относящиеся к слову *банкрот* (вариант *банкрут*): согласно ССРЛЯ, источник русского слова следует искать во фр. *banqueroute*, которое восходит к итал. *banco rotto* (I, 269). Фасмер

дает более гибкое определение; по его мнению, *bankrupt* «aus nhd. *bankroet* oder frz. *banqueroute*, s. Smirnov 55. Daneben *bankrot*, wohl aus nhd. *Bankrott*» (I, 52).

Является очевидным, что два варианта русского слова должны отражать вокализм определенных посредствующих форм, о которых в ССРЛЯ нет никакого упоминания. Отметим, наконец, слово *банкир*, которое, по Фасмеру (I, 52), происходит «über nhd. *Bankier* aus frz. *banquier*», а не непосредственно из *banquier*, как это предполагает ССРЛЯ.

Вместо того чтобы продолжать этот список, который насчитывает сотни примеров, лучше указать на преимущества второго метода, проявления которого легко найти и в традициях русской лексикографии. Так, при слове *балкон* Преображенский приводит три формы (фр. *balcon*, итал. *balcone*, исп. *balcón*; стр. 15), и даже в ССРЛЯ даются две формы (фр. *balcon*, итал. *balcone*; I, 256). Также под словом *балдахин* Преображенский отсылает к трем формам (итал. *baldacchino*, фр. *baldaquin*, нем. *Baldachin*; стр. 14); авторы ССРЛЯ, учитывая фонетические соответствия, были правы, указав на нем. *Baldachin* как источник русского слова (I, 255). Во всем этом недостает только одной детали — упоминания посредствующей роли польского *baldachin*, и именно эту деталь мы находим, наряду с объяснением через немецкое слово, в словаре Фасмера (I, 46).

Остается уточнить, какое решение было бы лучшим (особенно в случае, вызывающем сомнение). На наш взгляд, этимологическая часть исследования, посвященного романским элементам в русском языке, должна содержать в первую очередь указание на корень (латинский, греческий, германский и т. д.), к которому восходит данное слово; затем — более или менее полное перечисление форм, соответствующих русскому слову в основных европейских языках; на третьем месте — сжатое обсуждение возможных родственных связей и точное указание форм, которые явились прямым источником; наконец, более или менее полное перечисление языков, в которые слово проникло через посредство русского (о последней проблеме см. ниже). Следует заметить также, что этимологический словарь или акаде-

мический словарь (типа ССРЛЯ) должен давать в обобщенной форме определенные выводы и высказывать свое положительное или отрицательное отношение к различным мнениям. Этимологическая часть словарных статей (так же, как и разделы соответствующих монографий) должна содержать указания на использованные лингвистические работы.

6. Это, однако, не все. Чтобы установить источник заимствованного слова, невозможно обойтись без рассмотрения фонетических соответствий. Именно фонетические причины побудили составителей ССРЛЯ предпочесть объяснение русского *балдахин* из немецк. *Baldachin*, а не из фр. *baldaquin*, и те же причины заставляют нас возводить русское *балкон* скорее к фр. *balcon* или немецк. *Balcon*, чем к итал. *balcone*. В этих условиях совершенно необходимо углубленное исследование фонетических критериев, к которым, скажем откровенно, не всегда относятся с должным уважением в этимологических заметках ССРЛЯ. Если бы слово *банан* действительно происходило от исп. *banana* (см. ССРЛЯ, I, 264), мы бы ожидали форму женского рода; поэтому лучше согласиться с Фасмером: «wohl aus frz. *banane*... Das nhd. *Banane* wäre im Russ. femin. geworden» (I, 51). Точно так же невозможно объяснить русское *бант* через французское *bande* (I, 269); Фасмер пишет по поводу этого слова: «Nach Christiani 49 über poln. *bant* aus nhd. *Band*. Es wäre aber auch direkte Entlehnung aus Nhd. möglich» (I, 52). Сомнения Преображенского по поводу слова *барак* (автор приводит фр. *baraque*, итал. *baracca*, исп. *baracca*, нем. *Baracke*; стр. 16) необоснованны. Фонетические соображения заставляют нас признать французское происхождение слова, которое, впрочем, принимается как ССРЛЯ (I, 272), так и Фасмером («wohl aus frz. *baraque*»; I, 53).

Можно сказать без преувеличения, что всю фонетику романских заимствований в русском языке предстоит еще написать; но следует также добавить, что рассмотрение фонетических критериев никогда не должно отодвигать на второй план исследование других конкретных факторов, которые должны равным образом учитываться. Представляя себе идеальный случай, мы можем сказать, что желательнее, чтобы фонетические критерии

подтвердили во всех отношениях те выводы, которые будут получены благодаря методу «Wörter und Sachen».

7. В то же время, как это вытекает из предыдущего, нужно, чтобы при этимологическом сближении фонетические соображения были поддержаны доказательствами из области семантики. Другими словами, семантическая сфера заимствования должна быть сопоставлена с семантической сферой данного слова в языке-источнике. В этом отношении словари дают чрезвычайно мало, в большинстве случаев мы находим в них только сопоставление форм безо всякого анализа «содержания», то есть семантической сферы. Тем не менее иногда уже этимологические заметки ССРЛЯ предлагают уточнение; под словом *жирандоль*, например, мы читаем следующее: «франц. *girandole*, итал. *girandola* — оноподяных струй, ракет; канделябр» (IV, 158). Можно сожалеть, что мы не находим в ССРЛЯ никаких следов других значений слова *жирандоль*, которые следовало бы также осветить с точки зрения языка-источника¹⁴⁷, но, быть может, наши требования чрезмерны по отношению к словарю современного языка. Соображения семантического порядка не часто встречаются и у Фасмера; однако для слова *базар* автор проводит четкое разграничение между двумя значениями («1. 'wohltätig Veranstaltung, Verkauf zu wohltätigem' 2. 'Jahrmarkt, Markt'») ¹⁴⁸ и добавляет: «In Bed. 1 westliches Lehnwort über frz. *bazar* oder nhd. *Basar*... In Bed. 2 im Aruss. *базаръ* seit 1499... die Quelle dieses letzteren ist turkotat. dial. *bazar*, osman, alt. uig. *pazar* 'Jahrmarkt, Markt', das aus pers. *bazar*... stammt» (I, 39). Разумеется, было бы лучше поместить на первом месте древнее значение, которое в русском языке, так же как и самое слово, бесспорно, восточного происхождения. Но заслугой Фасмера является уже то, что он провел четкое разграничение между двумя значениями — восточным и западным. Тщательная регистрация промежуточных форм также не была излишней, так как слова, заимствован-

¹⁴⁷ Согласно СРЯ (II, 532), слово *жирандоль* употреблялось в XX веке в трех других значениях: как ювелирный термин и как термин геологии и ботаники. Относительно соответствующих значений — см. Littré II, 1873.

¹⁴⁸ Первое значение отсутствует в ССРЛЯ.

ные непосредственно из персидского, очень редки в русском литературном языке.

Имеются случаи, когда два значения того же слова вошли в русский язык в разное время. По поводу слова *авансировать* уже ССРЛЯ — без ссылки, однако, на этимологию Смирнова (< фр. *avancer* < нем. *avansieren*, стр. 28) — отмечает, что конкретное значение («идти вперед») датируется эпохой Петра Великого, между тем как финансовое значение слова («давать аванс») относится к значительно более поздней эпохе (I, 158).

Большое значение имеет выявление тех значений, которые заимствованные слова приобрели уже в русском языке; например, не представляется вероятным, чтобы переносное значение выражения *взять на бордаж*¹⁴⁹ имело иноязычный образец. Не стоит говорить о том, что в подобных случаях выказаться определенно бывает особенно трудно, так как для того, чтобы установить (тем более в отношении эпохи Гоголя) семантическую сферу французского слова *abordage*, нельзя довериться только большим словарям. Для этого потребуются углубленное знание живого употребления французского литературного языка, его «фразеологического багажа», который в определенный момент в прошлом мог послужить моделью и стимулом. После всего сказанного мы переходим к другому вопросу — вопросу о кальках романского происхождения.

V

1. Изучение заимствованных слов должно быть дополнено рассмотрением калек, которые, как известно, делятся на три различные группы¹⁵⁰. Во-первых, выде-

¹⁴⁹ Ср. у Гоголя: «Тут Скудронжогло подвинулся ближе к Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть в дело, *взял его на бордаж*, другими словами — засунул палец в петлю его фрака» (ССРЛЯ, I, 15).

¹⁵⁰ Об общих вопросах — см. В. Унбеганн. *Le calque dans les langues littéraires.* — RES, 1932, стр. 19—48 (и особенно стр. 38—42). Мы находим в этой работе, однако, только лишь зародыш предлагаемого нами деления, которое должно быть скорее сопоставлено с предложенным В. В. Виноградовым (см. Очерки..., стр. 160 и сл.).

ляются «семантические кальки» (des «calques d'emploi»), то есть русские слова, которые под влиянием европейского слова с аналогичным значением¹⁵¹ претерпели семантические изменения (или, лучше сказать, приобрели новое значение). Во-вторых, выделяются кальки в собственном смысле слова, то есть неологизмы, созданные по образцу определенных европейских слов. И, наконец, выделяются фразеологические кальки, образованные по модели иноязычных устойчивых выражений. Хороший пример калек первого типа мы уже видели выше в случае со словом *мушка*; примером второго типа может служить слово *достопримечательность*, созданное по образцу немецкого *Sehenswürdigkeit*; что касается третьего типа, то он представлен такими выражениями, как *задняя мысль* (фр. *arrière-pensée*, нем. *Hintergedanke*) и др. Русские кальки никогда не были подвергнуты детальному анализу¹⁵², и мы не можем претендовать на то, чтобы восполнить этот пробел; все, на что мы рассчитываем, — противопоставить некоторые факты утверждениям Б. Унбегауна, которые во многих своих частях нуждаются в пересмотре. По мнению Б. Унбегауна:

а) «Русский язык... не имеет непосредственного контакта с источниками (un domaine fournisseur) калек»; следовательно:

б) «семантические кальки» [типа А] и фразеологические кальки... представлены слабо, и обычно они не выходят за рамки известных социальных слоев, обладающих привилегией более или менее совершенного двуязычия». В итоге:

в) «русский язык [является] языком, который оказывается очень сдержанным по отношению к калькам» (RES, 1932, стр. 38, 41).

¹⁵¹ Или несколько слов аналогичной структуры (ср. фр. *circonstance*, немецк. *Umstand* — русск. *обстоятельство*). Об этом типе см. ниже.

¹⁵² Мы находим богатый материал, особенно относящийся к типу В в работах М. И. Михельсона, см. в частности: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, I—II. СПб., 1903; 2-е изд. — 1912. Большие словари также дают некоторые указания на этот счет, например, *делать авансы* — *faire des avances*, ср. ССРЛЯ, I, 26; *иметь место* — *avoir lieu*, ср. Ушаков, I, 1193 и т. п.

Можно ли безоговорочно поддерживать это мнение? Полагаем, что нельзя, так как, на наш взгляд, каждому периоду вторжения неологизмов соответствует также новая волна калек, и только совокупность этих двух видов заимствований дает правильное представление о влиянии одного языка на другой.

Чтобы доказать правильность этого положения, сошлемся на некоторые, особенно показательные страницы «Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В. В. Виноградова.

2. Для начала XVIII в., то есть периода, за которым и Б. Унбегаун не отрицает определенного значения с точки зрения распространения первых калек западного происхождения (RES, 1932, стр. 38—39), В. В. Виноградов указывает целый ряд словарей, предназначенных для разъяснения неологизмов (ср. словари Тредиаковского и Пуффендорфа, — Очерки., стр. 49; об А. Кантемире — там же, стр. 54 и др.)¹⁵³. Нет сомнений, что эти словари сыграли существенную роль в процессе европеизации русского языка, но следует добавить, что русское слово, служащее для перевода иностранного научного термина, не является непременно калькой последнего! Таким образом, не следует полагать, что между *intuitivum* и *самозрительное* или *theoretica* и *умозрительное* (Тредиаковский) существуют те же отношения, что и между словами *influence*, *Einfluss* и т. д. и *влияние* (с 1792 г.; ССРЛЯ, II, 453—454); весьма вероятно, что модель для указанных выше русских слов, несмотря на то что они были приведены в качестве параллели к преко-латинским словам, следует искать в немецких сложных словах (ср. *самозрительное* и немецкие сложные слова, начинающиеся с *selbst-*; о подражании в русском языке этому типу словосложения см. Unbegaun, RES, 1932, стр. 39).

Следовательно, нужно уточнить, что в ту эпоху, когда престиж латыни прибавился к возрастающему влиянию итальянского и французского (так же, как и посредствующих языков, вроде польского и украинского),

¹⁵³ О старинных словарях, приложенных к некоторым трудам, написанным языком, изобилующим неологизмами, см. также А. И. Соболевский, — «Сб. ОРЯС», т. XXXVIII, вып. 3, стр. 201

двуязычные словари неологизмов не отсылали непременно к источнику первых кальек. Весьма возможно, что, например, слово *положительный* явилось калькой латинского *positivus*, но подобные случаи не дают нам основания делать поспешные обобщения. Следует заметить еще, что даже кальки А. Кантемира свидетельствуют о любопытном случае одновременного влияния живых языков и латыни: хотя А. Кантемир и приводит к слову *предсуждение* только одно соответствие — фр. *préjugé*, он лишь обогащает русским членом европейскую семью латинского *praepudicium* (ср. итал. *pregiudizio*, исп. *prejuicio*, нем. *Vorurteil* и др.).

Прием помещения слов в скобки для объяснения неологизмов (см. В. В. Виноградов. Очерки., стр. 60—62) как будто также дает возможность рассмотреть многие старинные кальки, но и здесь необходима возможна большая осторожность. Если не выходить за рамки примеров, указанных В. В. Виноградовым, то можно сказать, что слово *книгодержатель* образовано по образцу *Buchhalter* (Очерки., стр. 61), но *посредственник* — в словаре к «Рассуждению» Шафирова — не имеет ничего общего с точки зрения своего строения с *секундант*, а *честолюбие* — со словом *амбиция*¹⁵⁴.

Во всяком случае необходимо общее исследование этих мало изученных вопросов русской синонимии, существенных для понимания проникновения неологизмов¹⁵⁵.

3. Говоря о второй половине XVIII века, В. В. Виноградов подчеркивает тот факт, что речевые обороты западного происхождения (то есть фразеологические кальки) особенно часто встречаются у Радищева (Очерки., стр. 145); например, во фразе: «извощик *извлек* меня из *задумчивости*» обнаруживается влияние идиоматического употребления французского глагола *tirer*¹⁵⁶. Очевидно, что этот пример далеко не единичен. Он примы-

¹⁵⁴ Остается выяснить, все ли неологизмы, приведенные в этой связи В. В. Виноградовым, учтены также лексикографами.

¹⁵⁵ Об аналогичном употреблении синонимических пар в румынском языке XVIII и XIX веков см. L. Galdi. *Les mots d'origine néo-grecque en roumain*. Budapest, 1939, стр. 128.

¹⁵⁶ Ср. у Вольтера: «Tirez-moi, par pitié de mon doute terrible» («*Alzirr*»; приведено у Литтрэ, IV, 2232).

кает к собственно калькам, созданным по немецким моделям¹⁵⁷, и к синтаксическим галлицизмам, которые влияют, между прочим, на употребление деепричастий. Но это не все; за симметричными построениями радищевской прозы ощущается гармоничная фраза Лабрюера и Монтескье¹⁵⁸. Очевидно, что подобная стилистическая направленность была особенно благоприятной для появления всевозможных калек; иногда возникает желание перевести снова на французский некоторые наиболее характерные обороты: *здание для убежища мусс* [муз] идентичен французскому «refuge des Muses»¹⁵⁹, *светское ристалище* — французскому «théâtre du monde»¹⁶⁰; *гражданский покой* — фр. «l'ordre civil»¹⁶¹, а *излучины душевные* — фр. «replis de l'ame»¹⁶². В целых фразах отражаются подобные модели; можно было бы приписать самому Монтескье следующее изречение: «les exemples de la domination sont contagieux», если бы это не был перевод радищевской фразы: *Примеры властвования суть заразительны*¹⁶³. Параллельно с «европеизацией» художественной прозы было бы полезно проследить тот же процесс в самых различных областях. Что касается военной науки, А. И. Ефимов прав

¹⁵⁷ Однако, некоторые калки, например, *сочувствие* (откуда также *сочувственник*), образованы по греко-латинским моделям (ср. греко-лат. *sympathia*, откуда также нем. *Mitleid* и т. д.).

¹⁵⁸ Ср. следующее замечание о судьбе крестьян: «Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный [contrat social], когда становится злодей».

¹⁵⁹ Конструкция *здание для убежища* как будто отражает фр. *maison de refuge* (ср. Littré, IV, 1950).

¹⁶⁰ Ср. шаблонное в эпоху барокко обозначение *theatrum mundi*; по Буало также: «Le monde, à mon avis, est comme un grand théâtre» (Littré, III, 604).

¹⁶¹ Ср. Littré, I, 6321.

¹⁶² Ср. примеры у Литрэ, IV, 1638 (Marmontel, Retz, Fléchier, Voltaire).

¹⁶³ О стиле Радищева — см. исследование Н. Ю. Шведовой «Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева» (Материалы и исследование по истории русского литературного языка, т. II, стр. 5—54). Очень жаль, однако, что автор ничего не сказал о западных источниках лексики и фразеологии Радищева. Во всяком случае, необходимо будет подвергнуть сравнительному анализу фразеологические единицы, указанные Н. Ю. Шведовой на стр. 50—54 ее исследования.

(«История...», стр. 211—212), например, подчеркивая «пуризм» Суворова, который предпочитал употреблять не *фланг*, а *крыло* и не *арьергард*, а *хвост* и др. Но бесполезно добавить, что *крыло* является калькой французского *aile*¹⁶⁴, немецкого *Flügel* и др. и что данное значение слова *хвост*, употребленного в качестве военного термина, не может быть отделено от аналогичного значения французского *queue*¹⁶⁵.

4. Конечно, почвой, наиболее благоприятной для распространения калек, был салонный жаргон конца XVIII — начала XIX веков, которому В. В. Виноградов посвятил ряд содержательных страниц в своих «Очерках» (стр. 157—178), но который еще не был предметом специального исследования. Первоочередной задачей является систематическое обследование как литературных и журнальных текстов (вроде «Живописца»), так и теоретических (вроде «Рассуждения о старом и новом слоге» Шишкова). Только исследование того, насколько было распространено то или иное выражение, позволяет понять, почему *трогательный*, *блистательный*, *сделать визит*, *идти* (в значении «aller bien à qn.», то есть «быть к лицу кому-л.»)¹⁶⁶ и др. пережили все превратности судьбы и почему *радовать* в значении «generaliser» (Одоевский; ср. В. В. Виноградов. Очерки., стр. 162) или *она имеет к нему вкус* (*elle a du goût pour lui*; Шишков) бесследно исчезли из языка. Предстоит также выяснить, объясняется ли расширение семантической сферы определенных слов (например, слова *живой*) исключительно французским влиянием или же следует учитывать, с одной стороны, внутреннюю эволюцию русской лексики и фразеологии, а с другой стороны — вклад германских языков. Слово *равновесие* воспроецирует не только латинское *aequilibrium* (откуда фр. *équilibre* и т. д.), но также немецкое *Gleichgewicht*; *наклонность* соответствует как французскому *inclination*, так и немецкому *Neigung*; *обстоятельство* является калькой не только французского *circonstance*, но также и немецкого

¹⁶⁴ См. Littré, I, 91 (без литературных примеров).

¹⁶⁵ См. Littré, IV, 1421 (Pellisson, Rollin и т. д.). О довольно относительном «пуризме» Карамзина — см. В. В. Виноградов. Очерки., стр. 159.

¹⁶⁶ Пример 1790 г. — см. А. И. Ефимов. История., стр. 221.

Umstand. По существу в ряде случаев следует скорее обращаться к «европейскому складу мышления», чем к влиянию какого-либо одного языка.

5. Что касается фразеологических калек, перечисленных В. В. Виноградовым на стр. 163—166 его «Очерков», то они должны быть исследованы в отдельной работе с привлечением ряда примеров, извлеченных из текстов того времени; было бы весьма интересным узнать, кто из русских авторов впервые употребил такие выражения, как *игра не стоит свеч* (le jeu n'en vaut pas la chandelle), *отдать последний долг усопшему* (rendre les derniers devoirs aux morts) и т. п. Мы имеем право спросить, можно ли относить к той же эпохе — золотому веку франко-русского двуязычия — идиоматические выражения вроде *сводить концы с концами* (joindre les deux bouts), *это для меня китайская грамота* (c'est du chinois pour moi) и многие другие.

Во всяком случае, принимая во внимание, что подобные выражения в большинстве своем возникли в разговорном языке того времени (то есть в сфере, мало доступной лингвистической документации), будет крайне необходимо учесть, помимо письменных данных, также свидетельства современников. Мы уже видели, что даже противники новшеств, такие, как Шишков, хотя и помимо воли, сохранили для потомства многие выражения, которые с трудом можно было бы найти в собственно литературных текстах; следует поэтому придавать большое значение, например, заявлению Я. К. Грота, который в своем отчете (1870 г.) отметил в словаре Даля как выражения, вошедшие в язык около 1840 года, такие фразеологические единицы, как *рассчитывать на кого-л.* (compter sur qn.), *пройти молчанием* (passer sous silence), *разделить чьи-л. чувства, мысли* (partager les vues ou les sentiments de qn.), *слишком умен, чтобы не понять* (être trop intelligent pour ne pas comprendre), *иметь что-л. против* (ср. фр. je n'ai rien contre, нем. ich habe nichts dagegen) и др., и относил к последующей эпохе («в ближайшее к нам время») ряд других выражений, а именно: *считаться с чем-л.* (tenir compte de qch.), *человек такого закала* (un homme de cette trempe), *раз он взялся* (une fois qu'il s'en est chargé) и т. д. Прибавим ко второй группе также

выражение *принимать в соображение* (*prendre en considération*), указанное Я. К. Гротом в другом месте¹⁶⁷. Все эти указания требуют проверки по источникам, так же как и предложенная Гротом датировка некоторых заимствований¹⁶⁸. Точно так же Грот упрекал Даля в том, что тот не дал удовлетворительного объяснения выражения типа *не в своей тарелке* (*il n'est pas dans son assiette*)¹⁶⁹.

6. Именно деятельность Даля заставляет нас указать на две другие проблемы, связанные с кальками. Во-первых, речь идет о пуризме Даля; уже Грот упрекал его в том, что им не были допущены в словарь общеизвестные неологизмы *мировоззрение* и *миросозерцание* — по той простой причине, что они были образованы в соответствии с немецким *Weltanschauung*.

Во-вторых, следовало бы оказать несколько слов об исчезнувших кальках; сам Даль пытался заменить *эгоизм* словами *самотство* и *самотность* (Сб. ОРЯС, т. VII, вып. 4, стр. 17). Было бы трудно утверждать, что попытки этого рода лишены интереса; с европейской точки зрения, эти русские неологизмы вполне соответствуют немецкому *Selbstsucht* и венгерскому *önkény*, то есть другим попыткам замены интернационального термина словом, образованным от своеязычного корня. Каков же был бы наилучший способ регистрации или, если угодно, «консервации» этих неологизмов с ограниченным распространением? Не желая запружать этим большие академические или этимологические словари, мы бы приветствовали появление в будущем исторического словаря русских неологизмов, составленного наподобие аналогичного словаря К. Сили для венгерского языка (*A magyar nyelvújítás szótára, 1902—1908*). Этот словарь ни в какой мере не должен быть переизданием лексиконы, собранной Смирновым; целью словаря будет представить не заимствования, а единственно неологизмы, образованные от русских корней, так

¹⁶⁷ Я. К. Грот.— Сб. ОРЯС, т. VII, вып. 4, стр. 17.

¹⁶⁸ В том же отчете находятся интересные мысли о дублетах типа *формуловать — формулировать*, о проникновении в язык глаголов *бравировать* и *вогировать* (около 1840 года; данные ССРЛЯ не восходят дальше словаря Даля).

¹⁶⁹ Ср. Сб. ОРЯС, т. VII, вып. 4, стр. 108.

же, как и слова, изменившие свое значение под влиянием иноязычного слова. Может быть, в этом словаре могли бы фигурировать и фразеологические кальки, тем более, что большинство выражений этого рода содержит или «формирующее слово», которое может служить заглавным словом, или даже иностранное слово, отсылающее к источнику данного выражения (ср. *делать авансы, делать куры* и т. п.).

7. По поводу калек литературного языка XX века укажем только на один факт. Как мы уже отмечали¹⁷⁰, русская терминология в области литературы и критики заслуживает углубленного исследования как с точки зрения заимствований, так и с точки зрения калек. Как кажется, начальные моменты эволюции следует искать, с одной стороны, в заметках Пушкина, с другой — в критических выступлениях Белинского¹⁷¹. Является очевидным, что ни Белинский, ни Пушкин не могли бы говорить о *механизме стиха*, если бы перед ними не было в качестве модели французского выражения «*le mécanisme des vers*» (Littré, III, 482). Точно так же *фактура стиха* восходит к выражению «*la facture du vers*», употребленному уже Ла Гарпом¹⁷². Однако наряду с подобными терминами, бесспорно французского происхождения, имеются и другие, объясняемые скорее из немецкого. Среди философской и литературной терминологии Белинского встречаются слова *субъективность* и *объективность*, которые могли быть образованы по образцу французских *subjectivité* и *objectivité*; но не следует забывать при этом, что, согласно словарям Блока — Варбург и Доза, именно немецкие *subjektiv*, *Subjektivität*, с одной стороны, и *objektiv*, *Objektivität*, с другой, — способствовали в начале XIX века, так сказать, «возрождению» во французском языке слов *subjectif* и *objectif*, из которых были образованы вскоре соответствующие абстрактные существительные. Слово *непосредственность*, также употребляемое Белинским, является,

¹⁷⁰ См. «Acta Ling. Hung.», 1955, стр. 241.

¹⁷¹ Далее мы рассмотрим некоторые из терминов, приведенных А. И. Ефимовым в монографии «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» (М., 1953, стр. 156 и сл.).

¹⁷² «Il [Saint-Lambert], a moins d'art et de variété dans la *facture du vers*» (Correspondance III, 393; Littré, II, 1591).

несомненно, калькой немецкого *Inmittelbarkeit* и, так или иначе, итальянского *immediatezza*; французский язык не имеет соответствующего обозначения. Поэтому, например, румынские критики, за неимением лучшего, также иногда прибегают к итальянизму *imediatetá*.

Эти несколько примеров, я полагаю, достаточно хорошо показывают, насколько опасно (если не невозможно) стремиться объяснить формирование всей специальной терминологии какой-либо дисциплины влиянием только одного языка (даже если этим языком является французский). Всегда нужно учитывать результаты сложного процесса слияния разнородных элементов: это любопытное смешение разноязычных элементов аналогично истории таких слов, как *балкон*, которое можно объяснять как из французского, так и из немецкого (см. выше). Возможно, впрочем, что с определенного момента необходимо считаться и с влиянием английского: без этого трудно понять, например, возникновение политической терминологии современного русского языка (ср. *политика с позиции силы* и т. д.)¹⁷³. Все эти иноязычные влияния должны быть, наконец, оценены в соответствии с их реальным значением; в то же время следует отвести должное место и внутренней эволюции русского языка, в том числе независимому словообразованию (*dérivation spontanée*).

8. Вот выводы, которыми мы хотели бы, по крайней мере, дополнить положения, сформулированные Унбегауном (ср. выше):

а) Русский язык, благодаря двуязычию или, лучше сказать, многоязычию широкого круга образованного общества, имел в течение 250 лет достаточно контактов с европейскими языками, чтобы приобщиться — в том, что касается его лексики и фразеологии, — к «европейскому складу мышления».

б) «Семантические кальки» и фразеологические кальки русского языка должны стать предметом углубленного изучения; можно уже теперь предвидеть, что кальки, особенно в определенные эпохи, гораздо многочисленнее, чем предполагал Б. Унбегаун. Кроме того, вполне очевидно, что многие из кáлек вовсе не связаны

¹⁷³ Ср. также *cold war* — *guerre froide* — *холодная война*.

с определенными социальными слоями, «обладающими привилегией более и менее современного двуязычия».

в) Только статистические подсчеты и сравнительное исследование смогут подтвердить или опровергнуть тезис, согласно которому русский язык является «языком, который оказывается очень сдержанным по отношению к калькам». Приведенные нами факты как будто не свидетельствуют в пользу этого тезиса.

VI

1. Перед тем, как закончить изложение, необходимо сделать несколько общих замечаний о тех задачах, которые стоят перед исследователями в связи с распространением интернациональных слов при посредстве русского языка. Эта проблема, хотя и четко намеченная Л. А. Булаховским¹⁷⁴, подобно многим другим, еще ждет своего исследователя: было бы небезынтересно выяснить, в какой степени из русского языка проникли в соседние языки, с одной стороны, «исконные» слова, с другой — «странствующие» слова (*des mots voyageurs*), в том числе и слова романского происхождения.

Как кажется¹⁷⁵, среди современных заимствований интернациональные слова, и в особенности слова романского происхождения, играют весьма значительную роль; уместно поэтому предложить исследователям, занимающимся изучением романских элементов в русском языке, обратить внимание также и на «силу проникновения» («*force de pénétration*») заимствований, вошедших в ряд других языков через посредство русского.

¹⁷⁴ См. в его «Введении в языковедение» (М., 1953, стр. 114): «со времени Великой Октябрьской социалистической революции интернационализмы, преимущественно социально-политические, очень широко распространяются от русского». Эта формула Булаховского имеет, однако, тот недостаток, что не содержит никакого упоминания о периоде до 1917 года.

¹⁷⁵ При составлении данного раздела я опирался прежде всего на сведения, любезно сообщенные моей коллегой профессором Кальманом (Дебрецен, Венгрия), который заканчивает свою монографию, посвященную русским элементам в мансийском (вогульском) языке. См. его последнюю работу: *Die Auslautvokale der russischen Lehnwörter im Wogulische.* — «Ural-Altäische Jahrbücher», 1956, стр. 265 и сл.

2. В связи с вопросами, связанными с языковым воздействием (*gaupnement*), следует проводить четкое различие между двумя видами влияния: с одной стороны, предстоит изучить влияние русского языка на некоторые важные языки цивилизации, как, например, румынский (с его молдавской разновидностью, ставшей национальным языком Молдавской республики) и болгарский; с другой стороны, нужно коснуться по крайней мере некоторых сторон проблемы, связанной с влиянием русского языка на неславянские языки СССР¹⁷⁶.

3. Что касается влияния русского языка на румынский¹⁷⁷, то этот вопрос уже был предметом суммарного исследования¹⁷⁸; но, естественно, почти все придется пересмотреть и в этой области. Известно, что влияние русского языка на румынский восходит ко времени «*Règlement Organique*» (1832): за этот период румынский язык воспринял (цитирую Пушкарю) «*Ausdrücke wie polcovnic* «Oberst», *cazon* «Kommiss», *pojarnic* «Feuerwehrmann» usw., aber auch Neologismen romanischen Ursprungs wie *administratie* «Verwaltung», *aghiotant* «Adjutant», *gheneral, reghiment* (neben *general, regiment*, die unmittelbar aus dem Westen gekommen sind)»¹⁷⁹. Несколько ниже тот же автор объясняет рум. *armie* скорее из польского соответству-

¹⁷⁶ В настоящей работе мы не рассматриваем влияние русского языка (как языка культуры и межнационального общения) на другие славянские языки Советского Союза — белорусский и украинский; этот вопрос, который заслуживает того, чтобы быть рассмотренным в историческом плане, намного выходит за рамки настоящего исследования. Украинский язык должен быть также принят во внимание с точки зрения его возможного посредничества при старых заимствованиях западного происхождения.

¹⁷⁷ Мы имеем в виду литературный румынский язык, так же как и язык двух дунайских провинций — Молдавии и Валахии. Лексика территории, расположенной к востоку от Прута, представляет отдельную проблему, так как речь идет о территории, больше других в течение столетий открытой для русского влияния и рускорумынского двуязычия.

¹⁷⁸ Ср. Н. Вгүске. Die russische und polnische Elemente des Rumänischen. — «Jahresbericht des Instituts f. rum. Sprache zu Leipzig», XXVI—XXX, стр. 1—69.

¹⁷⁹ S. Puscariu — Н. Kuen. Die romanische Sprache. Leipzig, 1943, стр. 373.

ющего слова, но совершенно очевидно, что этот вопрос не так легко решить¹⁸⁰.

Во всяком случае, начиная с первой трети минувшего столетия русская лексика, богатая уже интернациональными словами, мощно содействовала «рероманизации» румынской лексики, хотя и было бы преувеличением желание объяснять результатом русского влияния даже относительно недавние румынские неологизмы, вроде слов *idealist* и *realist*¹⁸¹. После освобождения русское влияние на румынский язык приобрело новый размах¹⁸², но любопытно отметить, что, согласно свидетельству последних по времени словарей, традиционное в течение долгого времени преобладающее влияние французского языка сохранилось в Румынской Народной Республике¹⁸³.

Что касается болгарского языка, то он подвергся, особенно после освобождения, мощному влиянию русского языка как языка культуры; тем не менее болгарские этимологические разыскания еще слишком мало

¹⁸⁰ Мы бы предпочли принять точку зрения, высказанную в «*Dictionarul Limbei Române*» (I, 262), согласно которой в передаче этого слова одинаково участвовали польский и русский языки. Не следует забывать, что Н. Костин упоминает *armia Moscului* и что летописец Зилот также пишет *armia ruseasca* (см. цитаты, приведенные в «*Dict. Limbei Rom.*»). О слове *aghiotant* (вариант *adiutant*) см. там же (I, 69). Вторая форма могла бы быть объяснена из немецкого.

¹⁸¹ Мы должны опровергнуть мнение М. Фогараши, который, говоря о судьбе суффиксов *-изм* и *-ист* в русском языке, замечает: «Интересно, что румынский язык в этом отношении отражает не западное, латинское, а восточное, русское влияние: *ateism* — *ateist*, *idealism* — *idealist*, *realism* — *realist*» («*Studia Slavica*», 1956, стр. 335). Было бы намного лучше, если бы автор по поводу слова *ateist* справился в «*Dict. Akad. Rom.*», где он нашел бы гораздо более правильное объяснение («*N [éoligisme] din frant. La Scrittorii mai vechi, [subst.] din lat. atheista*» — I, 350).

¹⁸² Относительно периода после 1943 г. см. прежде всего: J. Jordan, *Influența rusești asupra limbii române*. — «*Anal. Acad. RPR. Série C*», t. I, mém. 4, 1949. Там же приводятся данные относительно более старых заимствований, а также фразеологии русского происхождения.

¹⁸³ Мы имеем в виду (на основании данных русско-румынского словаря Н. Г. Корлягану и Е. М. Руссева. М., 1954) соответствия типа *привязной баллон* — рум. *ballon captiv* (ср. фр. *ballon captif*), так же как и продуктивность суффикса французского происхождения *-aj*, ср. *aparataj* «электрическая аппаратура».

продвинуты, чтобы можно было поставить многочисленные вопросы, связанные с изучением неологизмов. В этом отношении даже новый академический болгарский словарь («Речник на современния български книжовен език») не показывает никакого «прогресса»: в нем вообще не находится указаний относительно языков, которые способствовали проникновению интернациональных слов в болгарский язык. Тем не менее остается фактом, что, вопреки указаниям словаря, *алт* не выводится непосредственно из итальянского (I, 12), *амнистия* не может быть объяснено при помощи преческого языка (I, 12), так же как и румынского слова *aministie*, но скорее должно объясняться из русского *амнистия*. И каким образом без практического знания русского языка можно узнать о происхождении слов вроде *августейши* (I, 3), *авария*, *авиация*, *авантюристка* (там же) и т. д. Легко продолжить наши вопросы: зачем утверждать, что *абсент* происходит из преческого (I, 2), когда это слово заимствовано из французского *absynthe* (с *-e-*!), что *абсолвент*, *абитуриент* являются словами латинского происхождения, когда это явные германизмы¹⁸⁴, и зачем стремиться объяснить *абонамент*, несмотря на его второе *-a-*, из французского, когда это слово скорее согласуется с румынским *abonament*, которое в свою очередь лучше объясняется из итал. *abbonamento*, чем из французского *abonnement*¹⁸⁵ (откуда русск. *абонемент*)? Проникновение романских неологизмов в болгарский язык представляет совершенно неизученную область, которая тем более должна быть притягательной для будущих исследователей.

4. Что касается влияния русского языка и в частности его наиболее типичных европеизмов на тюркские, монгольские, финно-угорские, самоецкие, кавказские, палеоазиатские и др. языки, то первой задачей (к сожалению, довольно сложной) будет установить, какие примерно романские элементы через посредство русского языка нашли доступ в ряд языков — вплоть до Центральной Азии. Сколь бы невыполнимой ни каза-

¹⁸⁴ Первое слово может быть также возведено к румын. *absolvent* (Dict. Acad. Rom., I, 7).

¹⁸⁵ Ср. Dict. Limbei Române, I, 6.

лась эта задача, ее придется разрешить, по крайней мере, сначала для отдельных языков и групп языков; нам известно, например, что слова *атака* и *армия* проникли в зырянский и вогульский языки, так же как и в юракский (ненецкий)¹⁸⁶; что *анкета* в значении, соответственном русскому, является также вогульским словом; что глагол *applaudir*, приняв форму *анлодируйтны*, стал зырянским глаголом; что слова *баста* и *газета* существуют в казахском языке; что *авангард* как политический термин («рабочий класс — авангард») не неизвестен самоедам и что суффикс *-изм* стал продуктивным у монголов¹⁸⁷.

Было бы небезынтересно исследовать также возможности грамматического приспособления заимствований, сопоставив зырянское *дежуритны* «дежурить» (снабженное нормальным суффиксом инфинитива) и башкирское *дежур торой*, которое, так же как *караул торой* «караулить», является перифрастической формой¹⁸⁸. Тем не менее, нужно решительно предпочесть случайным наблюдениям, сколь бы интересными они ни были, систематическое изучение той или иной категории заимствований в определенной группе языков. Укажем как за образец в этом отношении на замечания Э. В. Севортяна о категории прилагательного в тюркских языках¹⁸⁹, дающие представление о тех переменах, которые претерпел ряд прилагательных романского происхождения в тюркских языках (укажем лишь на соответствующие французские формы: *actif, passif, vertical, liberal, comique, automatique, antique, arctique, archaïque, archéologie* в значении «archéologique», *astronomique, classique*,

¹⁸⁶ Для зырянского языка мы справлялись в зырянско-русском словаре (1948); для вогульского — в русско-вогульском словаре Е. И. Ромбандеевой (1954); для самоедского — в русско-самоедско-юракском словаре А. П. Пырерка и Н. М. Терещенко (1948).

¹⁸⁷ Ср. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945, стр. 60, 145.

¹⁸⁸ Ср. *margasizm* «tiraillements» (от *margas* «завтра»). Я обязан этим сведением любезному устному сообщению доктора филологических наук Б. Ринчена (Улан-Батор).

¹⁸⁹ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 188. и сл. Ср. А. А. Юлдашев. Категория глагольного вида в башкирском языке. — Там же, стр. 384.

methodique, *lirique* и т. д.). Хотя посредствующая роль русского языка представляется в некоторых случаях сомнительной, массовое проникновение европейских слов не может быть поставлено под сомнение. И любопытно, насколько в этом отношении различны азербайджанский язык, где заимствованные прилагательные часто не снабжаются никаким своеязычным суффиксом, и киргизский, где прилагательные иноязычного происхождения, чтобы приспособиться к лексике и морфологии заимствующего языка, должны сначала получить суффикс (чаще всего *-лык*)¹⁹⁰.

В виде заключения мы хотели бы высказать наши пожелания, чтобы в течение ближайших лет появился ряд работ, разрешающих те вопросы, которые были нами поставлены. Эти последующие работы подтвердят или опровергнут наши предложения; во всяком случае, надо надеяться, что систематическое исследование романских элементов значительно продвинет вперед анализ всех заимствований, проникших как в русский, так и в другие славянские языки¹⁹¹.

Перевод с французского Д. Н. Шмелева

¹⁹⁰ Это замечание особенно относится к азербайджанскому языку, в котором, к нашему большому удивлению, имеются следы прямого французского влияния. Нельзя при помощи русского *реакционный* объяснить азербайджанское *реаксион* (с *c*), как нельзя при помощи русских форм *археология*, *биология* и т. д. объяснить азербайджанские формы на *-жи*, ср. *археоложи*, *биоложи*, *метеорологи*, *морфоложи*. Очевидно, что эти формы, имеющие, бесспорно, более «французский» облик, пришли не из русского языка, а из турецкого (где находим *arkeoloji* [j-ж], *bioloji*, *meteoroloji*, *morfoloji*, ср., например, Д. А. Магазаник — В. А. Гордлевский. Турецко-русский словарь, М., 1945). Аналогичные факты отмечаются в молдавском литературном языке; подобные слова молдавского языка также не обязательно выводятся из русского, а скорее в том, что касается их *ж*, — из литературного румынского (ср. молд. *археоложіе*, *биоложіе*, *метеорологіе*, *морфоложіе*). См. А. Т. Борщ. Н. Г. Корлатяну, Е. М. Руссев. Русско-молдавский словарь. М., 1954. Только ударение на предпоследнем слоге появилось под влиянием русского.

¹⁹¹ Да будет мне позволено привести здесь слова Я. К. Грота, сказанные им в 1869 г.: «Меняются слова, но сущность все та же. Петровские *фортеши* и *виктории* позднее уступили место *еложам*, *резонам*, *эстиме*, а еще позднее пошли в ход *эксплуатации*, *инсинуации*, *пертурбации*, *шансы* и *принципы*, которые, вероятно, в свою очередь исчезнут и очистят путь новым пришедцам из романских языков» (Сб. ОРЯС, т. VII, вып. 4, стр. 23).

Л. Гальди

Слова романского происхождения
в русском языке

*

Сдано в набор 11/VIII 1958 г.
Подписано к печати 23/VIII 1958 г.
Формат 84 × 108/32. Печ. л. 2,625.
Привед. печ. л. 4,305. Тираж 1000

*

Издательство Московского
университета
Москва, Ленинские горы,
Административный корпус
Типография Издательства МГУ.
Москва, Моховая, 9